

Козда геламу
слабен человек

Когда гелати
славен человек

Бежецк 2013

ББК 63.3(2Рос - 4Тв)
М 69

ISBN 978-5-903791-25-6
ISBN 978-5-903791-29-3 (выпуск № 8)

Историко-краеведческий альманах
«БЕЖЕЦКИЙ КРАЙ» Выпуск №8
2013. – 128 стр., 110 ил.

Учредитель и главный редактор В.В. Козырев.
E-mail: bezhkray@yandex.ru

	Историко-краеведческий альманах «Бежецкий край»
	МУК «Бежецкая межпоселенческая центральная районная библиотека им. В.Я. Шишкова»

- © Альманах «Бежецкий край», 2013
© Издательство «Ванчакова линия», 2013
© ОАО «Тверская областная типография», 2013

*Моим дорогим
землякам-бежечанам,
ушедшим от нас
и ныне здравствующим,
посвящается этот сборник*

*Есть люди, чья судьба незаменима,
Есть люди, жизнь которых нелегка,
Но дело их историей хранимо
И памятью отмечено в веках.*

*Кто Бежецку отдал любовь и силы,
Осуществил заветную мечту,
Тот не уснет под бременем могилы,
Он будет славить жизни красоту.*

*Сверкнув как метеор, уходят люди,
А время равнодушное летит...
Своих героев память не забудет
И никогда забвенья не простит.*

*А посудить — какие годы были!..
Какою силой дышат имена!
Они в судьбы зигзагах не застыли,
Их помнить будем мы и письмена.*

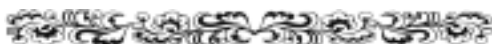
*Любви достойны люди без амбиций,
Трудом измерив свой короткий век.
... Читать приятно прошлого страницы,
Когда делами славен человек!*

Геннадий Ершов

Выражаю свою благодарность за содействие,
всемерную помощь
и финансовую поддержку издания
предпринимателям и частным лицам

Олегу Вячеславовичу Никонову
Олегу Леонидовичу Тянигину
Ивану Александровичу Мельникову
Николаю Ивановичу Колыгину
Александру Викторовичу Грачеву
Валентине Васильевне Колесниченко
Владимиру Глебовичу Жадькову (Малоярославец)
Евгению Александровичу Цветикову (Москва)
Владимиру Александровичу Чубарь (Москва)

Дмитрий Владимирович Андреев

«Я хочу убивать их за это!»

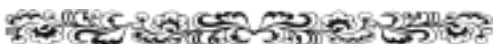
Безумная война! Сколько жизней она унесла, сколько материнских слез пролито из-за нее!

Страшно не просто сказать, но даже подумать о том, что спустя уже более полувека с того момента, как закончилась страшная война с немецкими оккупантами, наши ребята-мальчишки гибнут от пуль, не успев по-настоящему влюбиться, жениться, родить детей... Именно так можно сказать о чеченской войне. Ни одна из войн не может быть забыта, потому что каждая – это жизни и судьбы людей.

Дмитрий Андреев, хороший, скромный парень, родился в поселке Березовая Роща 2 октября 1975 года. Закончил среднюю школу №5, учился хорошо, с увлечением. С детства был очень любознательным, увлекался математикой, много читал технической литературы, конструировал различные модели. Дима всегда был в доме за хозяина. Нина Олеговна поднимала детей, сына Дмитрия и дочь Татьяну, одна. Работала заведующей детским садом, денег всегда не хватало, поэтому мальчик после окончания школы, не раздумывая, пошел на завод «БОЭЗ» токарем.

Когда пришло время идти в армию, даже не возникало вопроса, стоит это делать или нет. «Конечно, да, – говорил Дмитрий, – ведь настоящие мужики должны пройти через все».

22 декабря 1993 года он был призван в Вооруженные силы РФ. Ускоренная подготовка в Ставрополе, и вот тверские парни, среди которых и Дмитрий, брошены в пекло чеченской войны. Срочную службу он проходил с 17 декабря 1994 по 11 февраля 1995 года. Дима был начальником радиостанции и артиллерийским разведчиком, корректировал огонь батарей федеральных войск, а это значит, ходил вместе с товарищами в разведку, искал места скопления боевиков, то

есть всегда рисковал быть убитым или взятым в плен. А что вытворяли чеченцы с пленными! Дима видел всё это своими глазами и потом на гражданке говорил друзьям: «Я хочу убивать их за это!» Да, звучит страшно, но что же должен был увидеть и почувствовать добрый, отзывчивый парень, прежде чем это произнести?!

Кошмарный новогодний шторм Грозного 31 декабря 1994 года. И Дима там был. И уцелел. За стойкость в боях он был награжден медалью «За отвагу» и орденом Мужества. Бог миловал, участник боевых действий в Чеченской Республике Дмитрий Владимирович Андреев вернулся в родной город, к своим близким. Да вот только ждала ли его Родина-мать?

Вернувшись из армии, Дима долго не мог найти работу, но и без дела сидеть не мог. Часто приходил в Зареченскую школу, что находилась на территории п. Березовая Роща, строгал, пилил, мастерил с мальчишками подставки для цветов, книжные полки, стенды. Наконец устроился служащим ВС в поселок Дорохово на «точку» и... три месяца не получал зарплату. Как говорят друзья, он был слишком порядочным человеком, чтобы сидеть на шее у матери, и упрямо твердил: «Мы выберемся из нищеты». Так созрело решение заключить контракт с Министерством обороны и снова вернуться в Чечню. Матери всю правду он не сказал, жалел, знал, что очень расстроится. Сообщил только, что будет служить под Москвой или в Мигалове.

12 марта 1996 года Дмитрий прибыл в назначенное место и сражался в составе 166-й гвардейской бригады в качестве огнемётчика РПО «Шмель», а через тринадцать дней, 25 марта, пуля оборвала жизнь совсем еще молодого красивого парня, полного сил и надежды на счастье. Дмитрий Владимирович Андреев погиб в бою от огнестрельного пулевого ранения в грудь.

Горькая весть пришла в дом Нины Олеговны Андреевой накануне светлого праздника Благовещение. В Чечне погиб её 20-летний сын Дмитрий, тот мальчишка, который еще совсем недавно сидел за этим столом, рядом с ней, ел свою любимую жареную картошку и верил, что всё у них образуется.

Никогда не забыть. Это была пятница. В Бежецк прибыл зловещий «груз 200». Страшная картина: закрытый цинковый гроб, в котором лежит двадцатилетний парень, а рядом – убитая горем мать, которая не может даже поцеловать любимого сына, а смотрит на него только сквозь стеклянное окошечко. Ужас... Безумие... Дикость... Только такие слова рождаются при виде всего этого.

Похороны младшего сержанта Дмитрия Андреева состоялись в воскресенье на бежецком кладбище. На могиле звучали траурные речи о выполненном гражданском и патриотическом долге, гремели прощальный воинский салют и гимн страны. Но благородные чувства, увы, не переполняли души собравшихся. Почему? Директор Зареченской школы и друг семьи Елена Васильевна Розанова горько произнесла: «Диму убила наша подлая жизнь...» Трудно с ней не согласиться. А люди просто скорбели: молодой парень, так много уже повидавший, ничего не успел в мирной жизни. И в знак этого приносили цветы – алые гвоздики.

На похороны приехали Димины однополчане, ребята из Максатихи, пришли его новые сослуживцы с «точки». И все как один твердили, что Дима был настоящим и надежным парнем, трудолюбивым и талантливым, у него всё горело в руках и голова была на плечах. А ещё он был красивым и высоким. И верил в удачу...

О потерях говорить тяжело и больно, но когда из жизни уходят совсем молодые, то это тяжело и больно вдвойне. По инициативе областных общественных организаций ветеранов боевых действий Российского Союза, ветеранов Афганистана, Боевого братства, при поддержке Департамента территориальной и информационной политики Тверской области в ноябре 2011 года прошла Акция по увековечению памяти тверских воинов, погибших при исполнении воинского долга в Афганистане и на Северном Кавказе. В ходе этой акции на здании средней школы №5 была установлена мемориальная доска выпускнику школы Дмитрию Андрееву. И как тогда, Диме

принесли алые гвоздики как символ памяти, скорби и в то же время гордости за достойных молодых людей, которые являются примером мужества для подрастающего поколения. Мемориальная доска – памятный знак, который вновь и вновь будет напоминать нам о войне, о гибели молодых ребят, вчерашних мальчишек, о материнском, человеческом горе. И если на глазах детей появляются слезы, когда они слышат рассказ о жизни их земляка и слова песни «Здравствуй, мама», значит, ты не зря жил, Дима.

*Галина Владимировна Биткова,
учитель русского языка и литературы,
Юлия Вениаминовна Буряшова,
заместитель директора по воспитательной работе.*

Открытие мемориальной доски на школе №5
им. Л.Н. Гумилева, где учился Дима Андреев

Иван Николаевич Аникеев

Попытка полета

Полвека отделяет нас от первого полета человека в космос. Фамилии космонавтов в то время знали и взрослые и дети. Первый отряд космонавтов называют гагаринским набором, но до звездного рейса Гагарина фамилии летчиков, готовящихся к полету, обычно перечислялись по алфавитному списку. В те годы скрывали истину. То, что мы знали о первом отряде космонавтов, не было полной правдой. Как не был полным известный нам список членов отряда. Его обнародовали в пору гласности. Первым в этом списке значился Иван Аникеев. Больше четверти века Иван Николаевич Аникеев жил в Бежецке.

Иван Николаевич родился 12 февраля 1933 года в городе Лиски. Сын железнодорожника, он был эвакуирован со станции Лиски, где жила семья, на другую станцию Воронежской области. Занятия в школе пришлось прервать и приспособливаться к суровому быту. Среднюю школу №12 города Лиски закончил в 1952 году уже будучи восемнадцатилетним. Ждала армия. Но тогда, в начале 50-х, еще высоко летали «сталинские соколы». Им завидовали, к ним хотели присоединиться десятки тысяч парней. Иван Аникеев выбрал летное училище из тех, что казались ему поближе к дому. Надел форму курсанта Ейского военно-морского авиационного училища имени Сталина. Через два года многих курсантов и командиров перебросили на Среднюю Волгу – доучиваться на новом месте. Но вместо штурвала пришлось брать в руки лопату и строить аэродром. Многие тогда сломались, а Иван выдержал, дождался того дня, когда со взлетно-посадочной полосы, приглаженной собственными руками, он поднял в небо МИГ-15.

Окончил училище в 1955 году. В 1956 году окончил курсы в 114-м учебном истребительном авиационном полку 12-го военно-морского авиационного училища в городе Куйбышев. С 18 августа 1956 года служил летчиком 255-го ИАП 91-й истребительной авиационной дивизии

ВВС Северного Флота, дислоцированном в поселке Килп-Ярв. С 25 октября 1956 года служил летчиком-оператором, с 30 ноября 1957 года – старшим летчиком-оператором, а с 18 декабря 1957 года – старшим летчиком 524-го ИАП 107-й ИАД ВВС Северного Флота, дислоцированном в городе Североморск-2. Летал на разных типах самолетов. В 1959 году молодых, абсолютно здоровых, крепких летчиков по заданию С.П. Королева разыскивали военные медики. Для подготовки к космическому полету нужно было подобрать людей примерно 30 лет, ростом не более 170 сантиметров и весом до 70 килограммов. Делалось это самым простейшим образом: специалисты, разбившись по парам, разъехались по разным гарнизонам европейской части страны и приступили к просмотру пилотских медицинских книжек. Летный опыт принимался во внимание, но главное – отменное здоровье.

Пришла очередь Аникеева. Врач полка передал: быть в соседнем городке на медкомиссии. Прибыл в назначенное место. За столом полковники. Общие вопросы: «Как здоровье?», «Занимаешься ли спортом?». Потом перешли к делу и спросили, нет ли желания полетать на современных самолетах. Желание было. «Ждите, вас вызовут».

В Москву вызвали в конце года. Аникееву оставалось несколько полетов до получения «летчика 1-го класса», но вместо кабины пришлось занять... койку в госпитале. Приглашенных на медкомиссию было как селенок в бочке. Все в коричневых пижамах с белыми нашивными воротничками. Кто-то знал друг друга по совместной службе, кто-то знакомился, привыкал к непривычным условиям. В конце концов от ежедневных испытаний в барокамере, на центрифуге, на мыслимых и немыслимых приспособлениях, вытряхивающих, казалось, душу, становилось невмоготу. Наконец после трехмесячных медицинских исследований Ивану сказали: «Всё. Поселяйтесь в гостинице и звоните сюда каждый день».

Он звонил, и однажды его пригласили на мандатную комиссию. Вместе с Иваном на нее явились еще 19 человек. После сфотографировались все вместе – в пижамах с белыми нашивными воротничками. Это – самая первая фотография космического отряда.

Вновь собрались в Москве в начале весны 1960 года. В военном билете Аникеева появилась необычная запись: «Слушатель воинской части...»

В апреле всю группу переправили под Саратов. Предстоял один из ответственных этапов подготовки – парашютные прыжки. За месяц прыгали бесчисленное количество раз с самолетов и вертолетов разных типов. Прыгали утром и днем, вечером и ночью. На сушу, на воду, на лес, с большой и малой высоты. В плохую погоду

и хорошую. Осенью ему было присвоено звание инструктора парашютно-десантной подготовки.

К тому времени вся группа стала совершать регулярные поездки на занятия из Москвы на 41-й километр Подмосковья. Тогда база не имела названия, сейчас она известна как Звездный Городок.

День один к одному: с утра физзарядка, потом учебный корпус, спортзал, вибростенд, сурдокамера, барокамера... Выносили, казалось, невозможное. Их вдохновлял будущий полет на корабле, который им впервые показал академик С.П. Королев после первой встречи. Тогда космонавтов вместе с руководителями подготовки провели в большой светлый кабинет. Усадив всех за большой стол, Сергей Павлович сказал, что сегодня знаменательный день: будущие космонавты познакомятся с первым пилотируемым космическим кораблем. Пока всё очень скромно: полетит только один человек, и только на трехсоткилометровую орбиту, и только с первой космической скоростью. Зато первым может быть любой.

Они все были готовы к полету, но для ускоренной подготовки выделили шестерых: Варламова, Гагарина, Карташова, Николаева, Поповича, Титова. Почти всё время они проводили на тренажерах, остальные продолжали «осваивать космос» в неторопливом режиме: занятия, всевозможные анализы и осмотры, нагрузочные пробы. Требования были по-прежнему рассчитаны на двойной, а то и тройной запас человеческой прочности.

Во всех испытаниях не обходится без драм и трагедий. Драмы начались с перспективной шестерки. При восьмикратной перегрузке врачи обнаружили точечные кровоизлияния у Валентина Карташова. Приговор суров: в космос лететь не может, допуск только на транспортную авиацию. Валентин Варламов перекрыл себе дорогу в космос, прыгнув с берега в воду. Ударился головой о дно. Диагноз – смещение шейного позвонка. В стартовой шестерке появились замены: вместо Карташова – Григорий Нелюбов, вместо Варламова – Валерий Быковский.

За три недели до первого полета случилось самое страшное – погиб Валентин Бондаренко. Он был самым молодым в отряде – 24 года. Валентин закончил десятисуточное пребывание в сурдобарокамере. Давление в ней было пониженным. Его компенсировали повышенным содержанием кислорода. Сняв датчики, Валентин протер места их креплений ватой, смоченной в спирте, и, не глядя, бросил ее на спираль включенной электроплиты. В перенасыщенной кислородом атмосфере пламя разбушевалось мгновенно...

Когда запускали Гагарина, на Байконур летали все готовившиеся в

стартовой «шестерке». Вторым дублером был Г. Нелюбов. Правда, он не надевал скафандр, как Г. Титов, но провожал Гагарина до самой ракеты.

На старт Титова полетели все члены отряда. Иван видел старты, их показывали на киноэкране. Но одно дело кино, другое – наяву. Взлет ракеты с Германом Титовым в корабле ошеломил: гигантская сигара, казавшаяся незыблемой из-за веса и объема, шла в высоту легко и уверенно.

Побыли на Байконуре десять дней, знакомились с учеными, с системами старта, с комплектованием ракеты.

Вернувшись в столицу, узнали, что все члены отряда без вступительных экзаменов стали слушателями военно-воздушной академии имени Жуковского. Это вместе с гарантией не набирать новых претендентов, пока не слетает весь первый призыв, внушало еще больший оптимизм.

Космонавтам оказывали почести. Несколько раз Иван Аникеев присутствовал на приеме в Кремле по случаю первых полетов. Теперь даже холостякам были предоставлены в Москве трехкомнатные квартиры. Во время полетов Николаева и Поповича всех нелетавших впервые приобщили к настоящему космическому делу: Аникеев как штурман управления полетом был командирован на связь с космонавтами в Западную Сибирь.

Он чувствовал, что должен уйти в космос скоро, очень скоро. Такое же чувство испытывали и его товарищи по отряду – Григорий Нелюбов и Валентин Филатьев. Но случаются в жизни роковые обстоятельства, навсегда закрывающие путь к цели. Сейчас Иван Аникеев называет это «стечением обстоятельств»... Воспользуюсь информацией журналиста Ярослава Голованова.

Все из первой двадцатки были людьми разными. Отличались характерами, вкусами, интересами, разнились по возрасту и семейному положению. Из всей «честной компании» наибольшей энергией выделялись Гагарин, Попович и Нелюбов. Григорий Нелюбов был, пожалуй, даже наиболее яркой фигурой: душа любой вечеринки, человек живой, с богатым кругозором, быстрой реакцией. Было у него еще одно неоспоримое преимущество – природная красота. Всё это позволяло ему находить общий язык с девушками, преподавателями, тренерами, приятелями. Ему льстило быть первым, это чувство он в себе поддерживал постоянно, и иногда оно перерастало в чувство собственного превосходства.

Военный патруль задержал Нелюбова, Аникеева и Филатьева на железнодорожной платформе, дерзкая надменность в комендатуре

грозила рапортом командованию. Руководство Центра упросило дежурного по комендатуре не посылать рапорта. Тот нехотя согласился при условии, если Нелюбов извинится. Нелюбов категорически воспротивился. Рапорт пошел по инстанции. Разгневанный Н. Каманин отдал распоряжение отчислить всех троих. Космонавты считают, что Аникеев и Филатьев пострадали исключительно по вине Нелюбова. Этим спокойным, уравновешенным ребятам претила всякая бравада. Они, что называется, погорели за компанию.

Вся троица была на занятиях по теоретической механике, когда пришел приказ Главкома ВВС за №357 Вершинина об отчислении их из академии «за нарушение воинской дисциплины и режима космонавтов».

Было чувство глубокой депрессии. Как же так? А «железное» обещание полета? А выматывающие, до кровавых кругов в глазах, испытания на вибростенде, центрифуге, тягостные «отсидки» в сурдобарокамере, занятия на тренажере – в крохотном спускаемом «шарике» диаметром 2,3 метра? А ночные прыжки в скафандрах на лес? А скафандры – тренировочный и полетный, – пошитые специально и пригнанные по фигуре до миллиметра?

Неужели муки и напряжение бесконечных испытаний не стоят милосердия?

Всех троих вызвал Н. Каманин: «Что собираетесь делать?» Ответили: «Будем летать». А как продолжить летную службу, если за штурвал три года не садились? Пришлось восстанавливаться, за-

Первый отряд космонавтов

ново почувствовать пилотское кресло. Потом по «распределению» разъехались кто куда: Нелюбов – на Дальний Восток, Филатьев – в центр России, Аникеева опять «бросили» на Север. Но фортуна слегка улыбнулась ему, определив место службы, вполне благоприятное по климатическим условиям. Со 2 июля 1963 года служил старшим летчиком, а с 6 ноября 1965 года – штурманом наведения командного пункта (КП) 611-го ИАП 3-го корпуса ПВО в городе Бежецке. Отсидел под землей десять лет. Жилья как такового не было, снимал углы. После престижного московского быта этот казался насмешкой над его опытом, силой, волей, энергией. Над званием «член первого отряда космонавтов». 12 сентября 1975 года был уволен из Вооруженных сил в запас по возрасту. Исключен из списков части 25 октября 1975 года.

Иван Николаевич Аникеев жил вдвоем с женой в однокомнатной «хрущевке». Быт – до аскетизма. В интерьерах ни намек на его космическое прошлое. Подлая подножка судьбы, выбившая из колеи, не ослабила, не озлобила Ивана Аникеева. Он был убежден, что «ошибок тогда не наделал и можно было бы обойтись по-другому». Иван Николаевич Аникеев скончался 20 августа 1992 года. Причиной смерти стало раковое заболевание. Похоронен на кладбище города Бежецка. К сожалению, сегодня его могила забыта и заброшена.

И.Н. Аникеев – военный летчик 2-го класса. Инструктор парашютно-десантной подготовки ВВС, выполнил 89 прыжков с парашютом. Штурман наведения КП 2-го класса.

Награжден орденом Красной Звезды (17 июня 1961 года за участие в подготовке первого полета человека в космос) и шестью медалями.

Валерий Бурилов

Дань памяти

В 1989 году журналист Валерий Бурилов в очерке «Попытка полета» впервые рассказал нам о человеке, о котором многие бежечане почти ничего не знали, хотя он жил и работал многие годы в нашем городе. Речь в этом очерке шла об Иване Николаевиче Аникееве. Его фамилия стояла первой в списке первого отряда космонавтов. (Данный список был обнародован в пору гласности.) Эта статья, в которой автор рассказал нам о бежецком этапе жизни Ивана Николаевича, была повторена в газете «Тверские ведомости» за 2011 год.

Иван Николаевич Аникеев жил вдвоем с женой в однокомнатной «хрущевке». Быт – до аскетизма. В интерьере ни намек на его космическое прошлое.

Скончался Иван Николаевич 20 августа 1992 года. Похоронен на кладбище города Бежецка. В конце очерка автор сетовал, что его могила забыта и заброшена.

После публикации данной статьи было принято решение найти эту могилу и привести ее в порядок. Мы обратились в Некоммерческое партнерство по поддержке инициатив Президента (НП) «Содружество», которое без лишних вопросов выделило средства на сооружение памятника на могиле заслуженного человека.

Предварительно был проведен конкурс среди школьников СОШ №5 им. Л.Н. Гумилева, СОШ №6, гимназии №1. Один из эскизов учащегося и стал прообразом будущего памятника.

НП «Содружество» – это руководители ведущих предприятий города, солидные и обеспеченные люди. Так и порывало их спросить, что ими движет. В популярности они не нуждаются, их и так в городе знают все. Ведь есть же чиновники, которые, получая неплохую зарплату, обязаны этим заниматься. Ответ, мне кажется, прост. У этих людей есть СОВЕСТЬ. Еще А.С. Пушкин сказал: «Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим».

Без лишней помпезности они пришли 20 августа к могиле Ивана Николаевича, не только увековечив его память, но и приведя в порядок одно из мест захоронений нашего, к сожалению, заросшего кладбища.

Это первый опыт, и отраднo, что учащиеся СОШ №5 им. Л.Н. Гумилева согласились взять шефство над могилой летчика-испытателя. И это не случайно. Ведь в этой школе учился Михаил Григорьевич Григорьев, генерал-полковник, один из создателей советских ракетных войск и отечественной космонавтики, руководитель создания космодрома Плисецк. Таким образом, бежецкая земля дважды связана с космосом.

Владимир Козырев

Открытие памятника на могиле И.Н. Аникеева.

20 августа 2012 года.

**Учащиеся СОШ №5, члены НП «Содружество»:
директор ООО «Завод ЖБК» В.И. Бобошко,
директор завода «Бежецксельмаш» А.В. Журавлев,
В.Г. Блем, М.А. Молчанов, В.Л. Рысев**

Неизвестный космос

Он был первым

В апреле прошлого года «Коммуна» вкратце рассказала о пятерых воронежцах, проходивших в 60-е годы подготовку к полетам в космическое пространство. По разным причинам эти наши земляки не смогли дождаться своих звездных стартов. Лискинец Иван Аникеев занимает особое место среди них: он был первым в самой первой группе будущих покорителей Вселенной.

Снимок для публикации в «Коммуне» любезно передала сестра Ивана Аникеева Зоя Николаевна. В 1959 году военные медики отобрали в авиационных частях более трех тысяч молодых летчиков с безупречной биографией и отличным здоровьем. В Москве строжайшая комиссия просеяла эти тысячи сквозь мельчайшее сито. Осталось двадцать парней, которых стали усиленными темпами учить и тренировать по особой программе, включающей изучение медицины и биологии, астрофизики, техники связи, конструкции ракеты и орбитального корабля «Восток», а уж про физическую подготовку и говорить нечего – тут вам и центрифуга, и сурдокамера, и барокамера, и прыжки с парашютом. По воспоминаниям нынешних ветеранов космонавтики, их день начинался тогда с часовой зарядки, все паузы в аудиториях заполнялись бегом, прыжками, плаванием, нырянием, футболом, баскетболом и всем тем, что укрепляло здоровье, делало выносливым. Список двадцати открывался с Аникеева.

Когда началось «обживание» самого «Востока», то выяснилось, что всей двадцатке на тренажерах тесно. Из нее выделили шестерых, и стало ясно, что именно им отдается негласное предпочтение.

Иван Аникеев и в списке этой маленькой группы одно время значился первым! За ним следовали Гагарин, Титов и другие.

Им всем обещали полет в космос...

Иван Аникеев родился 12 февраля 1933 года в городе Лиски. Отец, Николай Николаевич, был железнодорожником. Мать, Наталия Ивановна, домохозяйка. Как и всем его сверстникам, детство укоротила война. Любимый город надо было покидать, отправляться в тыл. Когда над Лисками, а потом над Таловой, где пребывали Аникеевы в эвакуации, с диким воем пролетали немецкие бомбардировщики, когда бомбили они, то хотелось парню побыстрее стать краснозвезд-

ным пилотом и в отчаянной атаке резать пулеметными очередями ненавистные вражеские самолеты.

Невысокий, с виду хрупкий и стеснительный, Иван между тем был парнем упорным. Он шагнул своей мечте навстречу: подал заявление в военное училище, да не простое летное, а такое, где учат настоящих асов – военно-морское авиационное.

Когда двое военных медиков из Москвы объявились в полку, а дислоцировался он на Севере, за самым Полярным кругом, Иван ожидал капитанского звания, ему оставалось всего три-четыре вылета, чтобы стать летчиком первого класса.

И вот крутой поворот судьбы: подошел и по уму, и по здоровью, и по анкете, и по росту, и по весу (в первые космонавты отбирали невысоких – до 170 см и до 70 кг веса). В самом начале весны 1960 года в его офицерском документе появилась необычная запись: «Слушатель войсковой части №...» – так первое время назывался Центр подготовки космонавтов ВВС.

Ребята из первой шестерки крепко подружились между собой, гадали, кто полетит первым. Чаша весов всё больше склонялась в пользу веселого, способного, с очень запоминающейся улыбкой смоленского парня Юрия Гагарина. Когда генеральный конструктор Сергей Королев привез слушателей в заводской цех, где шла сборка «Востока» и предложил им посидеть в пилотском кресле, то Гагарин, прежде чем сесть, снял ботинки. Королев это заметил. Аникеев, как и другие, наверняка в душе своей надеялся быть первым, но успокаивал себя: Юра достойней по всем статьям, а я могу быть и вторым. Если не вторым, то третьим, если не третьим, то... Говорят, человек предполагает, а Бог располагает. Раскинула судьба свои карты так, что первым, кому не повезло, стал Валентин Варламов. Пошли как-то искупаться на озеро. Валентин с разбегу прыгнул с берега. Ударился головой о дно. Врачи обнаружили смещение шейного позвонка. Вместо него из «двадцатки» в «шестерку» перевели Валерия Быковского. Валентин места себе не находил – ведь теперь и в военной авиации нельзя служить!

Анатолий Карташов был Аникееву земляк – тоже воронежский, из села Садового, что под Анной (надо же – из шести первых двое – наши земляки!) Красивый такой, голубоглазый. Врачи над ним хотели поэкспериментировать: что, если за один сеанс на центрифуге дать нагрузку до максимальной? Ну и крутанули так, что у него на спине капилляры лопнули. Еще бы – 12-кратная перегрузка, это если человек весит 70 кг, то будут все 840! Долго медики гадали, как быть. В общем, списали Анатолия. А вместо него перевели Григория Нелюбова. Лучше бы не переводили...

Этот Григорий был эдакий гусар. Везде хотел быть первым.

К тому времени Иван Аникеев уже сдал экзамен по общекосмической подготовке, и 4 апреля 1961 года его зачислили на должность космонавта Центра подготовки космонавтов ВВС. Потом слетал в космос Юрий Гагарин, уже и Герман Титов совершил свой суточный полет вокруг Земли. И всё ближе, ближе подходила очередь к заветному старту. Иван Аникеев за участие в подготовке этих первых полетов получил орден Красной Звезды, на официальном приеме в Кремле лично товарищ Хрущев Никита Сергеевич пожал нашему земляку руку и похлопал по плечу. И еще стал слушателем Военно-воздушной академии имени Жуковского, принял его туда без вступительных экзаменов.

– Пока не слетаете, новых набирать не будем, – заверил еще не летавших космонавтов начальник ЦПК генерал Николай Каманин.

Когда летали Николаев и Попович, Ивана Аникеева начальство приобщило к настоящему делу. Он как штурман управления полетами был

направлен держать связь с космонавтами на территории Западной Сибири. «Он чувствовал, что должен уйти в космос скоро, – писала «Общая газета» о нашем земляке. – Такое же чувство испытывали и его товарищи по отряду... Но случаются в жизни роковые обстоятельства, навсегда закрывающие путь к цели. Если бы каждый знал, где споткнуться...»

Чего греха таить – бывало, баловались будущие космонавты водочкой. Сообразят в конце недели в гаражах, а то и соберутся у кого-нибудь на именины. Мало ли поводов найдется. Даже отсутствие повода – тоже повод. Баловались и космонавты летавшие. Трудно было увернуться от застолий, от тостов, от всеобщего обожания, от липнувших девиц. Это уже не тайна: Юрия Гагарина и Германа Титова, вернее их поведение, обсуждали на партийном бюро ЦПК, критиковали, убеждали держать себя в руках, высоко нести звание первых советских космонавтов. Более того, готовился к обсуждению вопрос об их «неэтичном» поведении даже на самом Политбюро ЦК КПСС!

И вот однажды Нелюбов, Аникеев и еще один из нелетавших космонавтов, Филатьев, встретились на железнодорожной станции между Звездным Городком и Москвой. Встретились и решили это дело обмыть – будто сто лет не виделись. Выпили пива, потом по стаканчику водки. И тут неожиданно выпивающих в станционном буфете летчиков заметил военный патруль. Привели молодцев в комендатуру, начались выяснения-объяснения. Занозистый Гриша Нелюбов начал права качать. Аникеев и Филатьев молчали, понимая ситуацию. Нелюбов так распоясался, что обозвал нехорошим словом начальника патруля. Тот сообщил вверх. Оттуда приехали разбираться. Порешили, учитывая, что задержанные не обычные люди, миром разойтись: Нелюбов забирает свои слова

обратно, извиняется, а факт нарушения дисциплины письменно не фиксируется.

Гриша Нелюбов извиняться отказался. В итоге перепало всем троим. За Ивана вступился было Юрий Гагарин: убеждал Каманина оставить его в отряде. Валя Терешкова добралась до главкома ВВС маршала Вершинина. Но и ее хлопоты оказались напрасными. Начальник Центра подготовки космонавтов был непреклонен. Вершинин учел его мнение. 17 апреля 1963 года приказом Главнокомандующего Военно-воздушными силами СССР за №357 капитан Иван Николаевич Аникеев был отчислен из отряда космонавтов «за нарушение воинской дисциплины и режима».

Их троих направили кого куда. Нелюбову выпал Дальний Восток. Там он в 1966 году, изрядно выпивши, то ли нечаянно, то ли с умыслом попал под колеса поезда. Филатьеву повезло остаться в Центральной России. Его тоже уже нет в живых. Умер от рака в 1990 году. Ивану Аникееву достался город Бежецк Тверской области. Здесь в авиационном полку он пару лет еще летал, а потом его перевели, и последующее десятилетие он фактически просидел под землей, в бункере, будучи штурманом наведения. На пенсию ушел в 1975-м. С тем же капитанским званием.

До учебы на космонавта и во время пребывания в ЦПК он не был женат. Но уже тогда ему дали в Москве трехкомнатную квартиру на одного. Отчисление из отряда автоматически лишило его этого роскошного жилья. В Бежецке снимал углы. Каково было ощущать себя!

В Бежецке повстречал он одну женщину, четырьмя годами старше. Галина также переживала свое несчастье. У нее в авиакатастрофе погиб муж, летчик этого же полка. Иван и Галина сошлись, он перешел в ее однокомнатную «хрущевку».

Поначалу Иван надеялся, что космические начальники простят ему, в общем-то, невеликое прегрешение, простят и позвонят: мол, приезжай, Иван Николаевич, в Звездный, поди, отдохнул, пора готовиться к полету.

Но никто не позвонил, никто не вспомнил. Даже один из друзей по тому самому первому «гагаринскому» отряду, когда по каким-то надобностям приезжал в полк, и тот не счел нужным встретиться с Аникеевым, хотя знал, что он тут. Может, зазнался тот дружок, ведь уже слетал, Героя дали...

Что интересно, Аникеев никогда не сетовал на судьбу, не материл бывшее начальство. Он переносил боль в себе, не выказывая особо сослуживцам свое состояние.

Умирал он тихо и медленно. У него очень поздно обнаружили рак

кишечника. Что это такое, объяснять излишне. Бездетный, нелетавший космонавт Иван Николаевич Аникеев похоронен на Бежецком городском кладбище в августе 1992 года. А Галина, оплакав его, уехала к себе на родину в Челябинскую область.

25.11.2003 Виталий Жихарев

*При перепечатке использованы материалы
издания газетной группы «Коммуна»*

*В статье использованы фотографии, любезно предоставленные
Анной Александровной Гордышевой – директором музея г. Лиски
Воронежской области*

Николай Иванович Арсеньев

«Восемь лет тюрьмы для устрашения других»

В глубине Старого городского кладбища в Бежецке, слева, за Спасским кафедральным собором есть малоприметная могила, где на типовой вертикальной плите из мраморной крошки укреплена маленькая фотография человека в генеральских погонах и с Золотой звездой Героя Советского Союза на груди. Но ни в день его рождения, ни в День Победы власти и земляки не возлагают цветы к этой могиле...

Николай Иванович Арсеньев родился 2 ноября 1922 года в деревне Ростовищи (в наградных документах – Ростовицы) Бежецкого района. Она стоит на берегу огромного и загадочного озера Верестово, через которое проходит река Молога. Во время весеннего половодья озеро кажется морем, а в конце лета приобретает очертания реки. На его берегах в древнерусское время стояли три города: Бежищи – на входе Мологи в озеро, Змень – в самом узком месте на восточном берегу, Езск – у выхода Мологи из озера. Эти три крепости (впоследствии центры православных приходов) контролировали пути на Бежецком Верхе – в одной из главных новгородских житниц. В двух верстах к югу от Змени и стоят на главной водной дороге повидавшие многое Ростовищи.

Николай окончил сельскую школу, а в 1941 году был призван в Красную Армию. После окончания Рижского пехотного училища он с начала 1943 года оказался на фронте и 16 февраля был назначен заместителем командира батальона 185-го стрелкового полка 60-й гвардейской стрелковой дивизии. Воевал храбро, инициативно, осмысленно. В самом конце лета он получил ранение, некоторое время провёл в госпитале, но вновь встал в строй уже в октябре – в самый разгар битвы за Днепр.

Их дивизия форсировала великую реку в районе Запорожья, имея задачу занять плацдарм на острове Хортица, прежней столице Запорожской Сечи. Немцы очень сильно укрепили весь правый берег, но здесь – особенно, поскольку в их тылу находились важнейшие экономические районы: Криворожье и Никополь.

В ночь на 25 октября первый десант полка достиг на лодках острова и захватил небольшой плацдарм, удерживая его весь день. К вечеру плацдарм сузился до клочка земли размерами 100 метров по фронту и около 50 метров в глубину. В этот день гвардии капитан Арсеньев был назначен командиром стрелкового батальона, заменив раненого комбата. Перед ним и была поставлена задача расширить плацдарм. Ночью во главе 28 бойцов и командиров он переправился на Хортицу под сильным артиллерийским и минометным огнём. Вместе с уцелевшими бойцами Арсеньев ринулся в глубь острова. Защитники плацдарма, получив такое подкрепление, перешли в атаку. За следующий день удалось расширить плацдарм по фронту до 250 метров, отбив при этом 16 вражеских контратак. К вечеру вышли из строя все пулемёты, и Арсеньев организовал сбор боеприпасов у раненых и убитых бойцов. Когда и они были израсходованы, завязался рукопашный бой, в ход шли сапёрные лопатки, приклады и даже камни. Вместе со всеми Арсеньев четыре раза ходил в атаки и своим примером воодушевлял бойцов.

Поняв, что такими силами, которые таяли с каждой минутой, вражескую оборону не пробить, командование приказало оставить остров. Но гитлеровцы за эти двое суток пристреляли переправу, и перебраться обратно к своим удалось немногим. Снаряды и мины пустили на дно паром, на котором переправлялись десантники. Арсеньев добирался до берега вплавь с теми, кто уцелел. Через два дня командование составило наградной лист на юного комбата, которому через несколько дней исполнился 21 год.

19 марта 1944 года командиру 1-го батальона 185-го стрелкового полка 60-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии капитану Николаю Ивановичу Арсеньеву было присвоено звание Героя Советского Союза (медаль «Золотая звезда» № 3642). В последующих боях с фашистами он заслужил ещё два ордена Красного Знамени и орден Отечественной войны 1-й степени.

После окончания войны Арсеньев в 26 лет окончил военную академию им. М.В. Фрунзе, служил в Прибалтийском военном округе, а в марте 1958 года прибыл в Брест, получив назначение на должность командира 50-й мотострелковой дивизии и звание генерал-майора. Дивизия базировалась в самой Брестской крепости.

**Слушатель
военной академии
им. М.В. Фрунзе. 1948 год**

Благодаря подвижнической деятельности писателя Сергея Смирнова вся страна узнала тогда о беспримерном подвиге защитников этой пограничной крепости в июне-июле 1941 года. Вскоре за свои литературные произведения на эту тему он был удостоен Ленинской премии. Каждый свой приезд в Брест Сергей Сергеевич начинал с визита к генералу Арсеньеву, при огромной помощи которого скромный музей обороны крепости расширялся и обустроивался. Генерал горячо поддержал идею Смирнова о закладке здесь памятника героям обороны Брестской крепости, который со временем перерос во всемирно известный мемориальный комплекс. Бойцы и командиры 50-й дивизии приняли непосредственное

и, можно сказать, основное участие в его сооружении.

Реальной помощи от государства, от Министерства обороны было мало, а желание генералитета увековечить память о подвиге подкреплялось, помимо прочего, частыми визитами в Брест людей с большими погонами. Требовалось принимать их на должном уровне, и генерал Арсеньев, не имея никаких других источников финансирования, время от времени продавал что-то из стройматериалов или механизмов на

Брестская крепость. 1961 год

сторону, чтоб располагать хоть какой-то наличностью для застолий и разъездов высокого начальства.

В конце июня 1961 года в Бресте состоялись торжества (самые первые) по случаю 20-летия героической обороны крепости, на которые прибыли делегации из Минска и Москвы, приехали представители ЦК компартии Белоруссии, Министерства обороны СССР, Советского комитета ветеранов войны, Союза писателей СССР. Музей получил в своё владение большое здание восстановленной казармы, из центра крепости выселили воинскую часть, входившую в состав 50-й дивизии. Комдив Арсеньев радушно встречал всех, особенно тепло принимая живых героев обороны. 25 июня состоялись торжественная закладка памятника героям Брестской крепости и посадка участниками обороны деревьев в будущем Парке Героев.

Следующей весной, 7 апреля 1962 года, генерала Арсеньева неожиданно арестовали органы военной прокуратуры, а в конце июля состоялся закрытый суд. Николай Иванович не отрицал продажу социалистической собственности на сумму 4713 руб. 75 коп., но категорически отказался признать своекорыстный умысел в содеянном.

Военной коллегией Верховного Суда СССР Арсеньев был осужден на 8 лет лишения свободы с конфискацией имущества и отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии усиленного режима. В ноябре того же 1962 года Указом Президиума Верховного Совета СССР он был лишён звания Героя Советского Союза и всех орденов, а Совет Министров СССР лишил его воинского звания генерал-майора.

Николай Иванович написал письмо председателю Верховного Суда СССР, земляку-рамешковцу Александру Горкину (тот в 1944 году, будучи секретарём Президиума Верховного Совета СССР, вместе с кашинцем Калининым вручал ему Золотую звезду Героя), с просьбой пересмотреть дело: *«...я не присваивал себе этих средств. Сложилось так, что на угощения начальства и делегаций потребовались средства, таких средств было израсходовано около 12 тыс. рублей».*

Через много-много лет помощник главного военного прокурора СССР, секретарь парторганизации военного трибунала и прокуратуры гарнизона Павел Кириллович Сушко объяснил обострённый интерес карающих структур к этому рядовому эпизоду так: *«Генералу Арсеньеву определили срок в 8 лет не за 5 тысяч рублей нанесенного государству ущерба — в 60-е за такую сумму столько никому уже не давали. 8 лет дали, скорее, для устрашения других военных».*

На XXI съезде КПСС в 1959 году Никита Хрущев поставил перед правоохранительными органами задачу навести порядок в армии. Известна его нелюбовь к Жукову, при новом генсеке лишившемуся должности министра обороны СССР. Дух Жукова требовалось выветрить из армии. Многие по обыкновению поняли, что нужны громкие дела. В Беларуси выбор пал на комдива из Бреста Арсеньева, замеченного в вольном распоряжении воинским имуществом. Звание Героя Советского Союза только прибавляло веса этому уголовному делу.

Ситуация для Арсеньева усугублялась тем, что на этот момент в Беларуси многие ключевые посты в государственных структурах, в судах в том числе, занимали бывшие партизаны. Партизан уважал Машеров. Последние ревностно относились к армейским офицерам, а Арсеньев этого не знал. Или не желал знать. И когда перед судебскими бил себя в грудь: «Я — боевой офицер!» — ничего, кроме досады, не вызывал. Он и в Москву искать заступников поехал слишком поздно — на войне в бою ориентировался, был Героем, а на гражданке сориентироваться не сумел.

Повторюсь: этого генерала надо было судить за нанесенный государству ущерб. Но на 8 лет лишения свободы провинность явно не тянула».

На письма Арсеньева не ответили ни министр обороны Малиновский, подписывавший наградной лист на присвоение ему звания Героя, ни председатель Комитета ветеранов Великой Отечественной войны Тимошенко, ни Жуков. Только Сергей Смирнов продолжал обивать высокие пороги, защищая его, но безуспешно. После освобождения из тюрьмы по амнистии в 1965 году (20-летие Победы!) Арсеньев был отправлен отбывать наказание на стройку народного хозяйства в Нижневартовск, и Сергей Сергеевич послал ему туда фото, где писатель пьёт чай с маршалом Жуковым, а на обороте написал: «*Старому другу Николаю Ивановичу Арсеньеву от души. С. Смирнов*».

Эта «охранная грамота» не помогла: за три месяца до полного освобождения, 22 октября 1975 года, бывший Герой Советского Союза и бывший генерал-майор Николай Иванович Арсеньев был убит утками. Его сыну Владимиру, который перевозил тело отца в Бежецк, оперативный работник сказал, что убийство было заказное, но углубляться в расследование ему запретили. Большие чины, которые упекли героя за решётку, не хотели неприятностей для себя.

В двухтомной энциклопедии «Герои Советского Союза» фамилия Николая Арсеньева не значится. Мне кажется, из-

Второй слева С. Смирнов,
крайний справа Г. Жуков

ложенные выше обстоятельства (а в семейном архиве его сына Владимира, проживающего в Бресте, немало и других документов и сведений) позволяют его землякам, в том числе ветеранам Великой Отечественной войны и депутатам Законодательного собрания Тверской области, обратиться в Генеральную прокуратуру РФ и Федеральное собрание РФ с ходатайством о пересмотре несправедливого приговора и о восстановлении Николая Ивановича Арсеньева в заслуженном им звании Героя Советского Союза. Хотелось бы услышать отклики на эту публикацию.

*Вячеслав Воробьёв,
профессор Государственной академии славянской культуры*

«Для подлости, как и для героизма, нет ничего невозможного»

Данная статья профессора В.М. Воробьева должна была появиться в областной прессе в канун 90-летия Николая Ивановича Арсеньева в ноябре 2012 года. Но по каким-то причинам публикация не состоялась. По еще более непонятным причинам на Аллее Славы города Бежецка 9 мая 2010 года появилась мемориальная доска с фамилией героя.

Подобный подход можно назвать неожиданным уже потому, что в книге «Герои Советского Союза» Арсеньев не значится. Хотя вот что писала о нем фронтовая газета в 1944 году под рубрикой «Письмо с фронта»:

«Гвардии капитан А.М. Айгулин (полевая почта 12082) в своем письме обращается к жительнице города Бежецка А.Ф. Кругловой. Он пишет:

Дорогая Анастасия Федоровна!

Командование нашего фронта шлет Вам боевой привет и благодарность за воспитание Вашего племянника, ныне Героя Советского Союза Арсеньева Николая Ивановича.

18-летним юношей пришел Николай в ряды Красной Армии. Друзья по оружию вскоре заговорили о нем как о мужественном, бесстрашном воине. Недаром зовут теперь Арсеньева «мастер рукопашного боя». В течение двух суток жарких боев он 23 раза поднимал свой батальон в рукопашную схватку. Никакое сопротивление врага не может сломить наступление бойцов под его командованием.

Мастеру рукопашного боя и отличному разведчику гвардии майору Н.И. Арсеньеву присвоены звание Героя Советского Союза и награда орденом Красного Знамени.

Слава Вам, Анастасия Федоровна, за воспитание такого стойкого, преданного Родине офицера.

Желаю Вам всех благ в жизни!»

Другой документ, касающийся наград Арсеньева, выдержан в классическом деловом стиле:

«За совершение тяжких преступлений, выразившихся в злоупотреблении служебным положением, хищении государственного имущества в крупных размерах и спекуляции этим имуществом,

лишить Арсеньева Николая Ивановича звания Героя Советского Союза, медали «Золотая звезда», ордена Ленина, двух орденов Красного Знамени, ордена Отечественной войны I степени, Красной Звезды и медали «За боевые заслуги».

Москва. Кремль. 24.XI.1962 г. Председатель президиума ВС СССР (подпись)».

Сегодня читатели альманаха, благодаря семье Арсеньевых, могут познакомиться с документальными материалами, никогда ранее не появлявшимися в прессе. Я даю их без всяких комментариев, только одни документы, только факты. По этическим причинам я не упоминаю фамилии людей, способствовавших устранению Арсеньева, ибо тогда в дивизии сломали многих офицеров. Их заставили лжесвидетельствовать на своего командира, пообещав квартиры, продвижение по службе. К счастью, большинство коллег не пошли на сделку с совестью. Вам, читатель, решать, как ко всему этому отнестись, где поставить запятую в известной фразе «Казнить нельзя помиловать». Давно пора восстановить доброе имя Николая Ивановича Арсеньева, вернуть награды его семье, восстановить статус Героя. Это надо всем нам, его землякам, его семье – сыну и внуку, потомкам, истории.

«...Военная коллегия Верховного суда СССР... в открытом судебном заседании в городе Бресте 17-31 июля 1962 года рассмотрела уголовное дело по обвинению Арсеньева Николая Ивановича, 7 декабря 1922 г. рождения, русского, уроженца деревни Ростовищи Бежицкого (так в документе) района Калининской области, до ареста проживающего в городе Бресте по ул. Леваневского, 17, в совершении преступлений, предусмотренных ст. 91, ч. 111; 151 ч. 1 и 249 п. «а» УК СССР... Арсеньев, используя свое служебное положение, присвоил, завладел и похитил государственного имущества на сумму 4713 руб. 77 копеек и причинил только в результате злоупотреблений своим служебным положением материальный ущерб вверенной ему части на сумму 1361 руб. 30 копеек... Военная коллегия приговорила Арсеньева Николая Ивановича... по совокупности преступлений... путем поглощения менее строгого наказания более строгим к 8 (восемью) годам лишения свободы с конфискацией лично принадлежащего ему имущества и направлением для отбытия наказания в исправительно-трудовую колонию усиленного режима.

В связи с совершением Арсеньевым тяжких преступлений возбудить ходатайство перед президиумом Верховного Совета о лишении его почетного звания Героя Советского Союза и перед Совмином СССР — о лишении его воинского звания «генерал-майор»...».

«Генеральному прокурору Союза ССР.

*От осужденного Арсеньева Ник. Ив.,
содержащегося под стражей в и. т. к.*

Н. Тагил п/я ущ 349/13.

Жалоба (в порядке надзора).

Приговором военной коллегии Верховного суда Союза ССР я признан виновным в том, что, являясь командиром дивизии в период с 1959 по 1961 гг., злоупотребляя по службе, систематически занимался хищением государственного имущества из вверенных мне в/частей. Два года я нахожусь под стражей. За этот период я много думал, много пережил и пришел к убеждению, что я действительно виновен. Виновен в том, что не всегда с достаточной серьезностью относился к вопросам, которые должен был решать как командир дивизии. В настоящем обращении я не хочу ни на йоту умалять свою вину. Не хочу и не буду ничего скрывать, не делал я этого и в суде. Там я признал себя виновным в фактах, которые имели место. Мне разъяснили, что, с точки зрения юридической, неважно, куда ушли незаконно взятые деньги, но если они взяты, то это уже хищение. Если это так, то я признавал и признаю себя виновным и в хищении. Однако фактически я никогда хищением не занимался. Никогда, ни одним моим поступком не руководила корысть. Мои потребности были слишком скромны. Хищение всегда было чуждо сердцу и духу моему.

Всю сознательную жизнь я отдал Родине. Плохо ли, хорошо ли, но никогда и ничего не было в сознании моем выше, чем служение Родине. Сейчас я заклею. Несправедливый приговор назвал меня вором, спекулянтом, а в жизни я ничего не крад и даже своего никогда и ничего не продавал. Все прошлое безжалостно отброшено.

Родился я в 1922 году. С двух лет без родителей воспитывался советскими людьми, советскими организациями и учреждениями. С 18 с половиной лет находился на службе в Советской армии. В армии прошел путь от солдата до генерала — командира дивизии. Участвовал в боях ВОВ. За проявленную отвагу был награжден

рядом высоких правительственных наград, присвоено звание Героя Советского Союза. После окончания ВОВ был направлен на учебу. В 1948 г. окончил военную академию им. М.В.Фрунзе. С 1948 г. командовал батальоном, полком, а с 1956 г. — дивизией. Обезупречном выполнении своего долга говорит мой послужной список и выдвижение по должности. С 1950 г. по 1958 г. я не имел ни одного дисциплинарного взыскания и десятки раз награждался ценными подарками. По окончании войны все свои фронтовые сбережения, как-то: около 40 тыс. руб. денег (здесь и последующем суммы взяты в старом масштабе цен) и на сумму около 20 тыс. руб. облигаций — я безвозмездно сдал в фонд восстановления народного хозяйства. С фронта в Москву на учебу прибыл с одной планшеткой, парой запасного белья, хотя в то время я уже имел семью. Всё имущество моей семьи, в том числе и при переезде после длительного пребывания за границей, укладывалось в три чемодана. Таким я и оставался до момента ареста. К тому же я был членом КПСС, а в ряды ее вступил перед атакой в двадцатилетнем возрасте.

Трудно о себе хорошо писать. Трудно потому, что я объявлен социально опасным человеком — преступником. Но ведь и у Вас, очевидно, нет сомнений, что я не вел себя хуже других. Никто и

Германия. 1945 год

никогда, в том числе и по так называемому уголовному делу, не упрекали меня в жизни не по средствам или излишествах. У меня приговором конфискована автомашина «Победа» и моторная лодка.

Полагаю, что мое материальное и служебное положение не позволяют упрекнуть меня за их приобретение, тем более, что моторная лодка была изготовлена на коллективные средства с Киргизовым, а машина куплена за 6500 руб.

Пусть не покажется Вам нескромной эта, в действительности нескромная часть моей жалобы. Пишу об этом потому, что считаю данные о моей личности одним из доказательств невозможности совершения мною хищения.

Как мог стать я спекулянтом, жуликом, вором? Как мог так внезапно переродиться? Во имя чего? Ведь имеющийся в деле акт о производстве описи имущества ввиду отсутствия ценных вещей с достаточной убедительностью свидетельствует о бескорыстности моей жизни. А данные моей личности, надеюсь, с достаточной убедительностью свидетельствуют о том, что я не мог быть каким-то идейным расхитителем. Все это пишу для того, чтобы была яснее цель моих незаконных, если угодно, преступных действий.

Теперь о том, что конкретно я совершил, в чем признавал и

Грамота Президиума Верховного Совета о присвоении звания Героя Советского Союза. 3 июня 1944 года

признаю себя виновным. Приговор утверждает, что в августе 1959 г. я похитил и продал колхозу «Беларусь» за 4000 руб. токарно-винторезный станок (приговор стр. 11). Не случайно в приговоре не пишется, что 4000 руб. я присвоил. О судьбе этих денег приговор умалчивает. Что ж, все верно: это было действительно так. Действительно, по моему приказу ненужный части токарный станок был продан колхозу, хотя и не было уговора о купле и продаже, но я действительно лично получил деньги от председателя колхоза. И деньги эти оприходованы не были. Здесь и следствие, и суд поставили точку, объяснив, что куда бы ни пошли деньги, сам факт, с точки зрения юридической, называется хищением. Что ж, если так, то я совершил хищение. Но ведь деньги-то я не присвоил, не имел корысти или какой-нибудь заинтересованности. Случилось так, что эти деньги пришлось потратить на непредусмотренные сметой расходы: на угощение посредников на больших учениях в 1961 г. в Волгоградской области, частично на питание солдат-радиотов и шоферов во время их отрыва от пищеблока, на угощение в связи с приемом командования I польской им. Тадеуша Костюшки дивизии во время совместных учений в Гродненской области в 1961 г. Мои объяснения подтвердили свидетели. Кроме того, эти обстоятельства можно было проверить и убедиться в правильности моих объяснений другим способом.

Другой факт, признанный мною по материалам дела как хищение.

Летом 1961 г. (кажется, 20-25 июля) производилась закладка памятника Героям Брестской крепости. На празднование было приглашено много гостей. Мне было предложено, если так можно выразиться, занять часть из них: тов. Из Москвы, часть военных гостей, секретаря обкома и председателя облисполкома соседней области. Что я и сделал. На угощение было истрачены определенные средства. В погашение этих непредусмотренных расходов мною и были проданы 47 брусков леса за 4700 или 4800 руб. Деньги эти уплачены военторгу за обеды. Считал, что это не имеет отношения к делу, я не назвал фамилии гостей и тех, кто исполнял мои распоряжения. Но я показывал, что деньги уплачены военторгу, и следствие имело возможность проверить, когда, каким образом, за что и из каких фондов были уплачены деньги военторгу. Однако этого сделано не было, а если и сделано, то в деле не отражено, так как это не в пользу обвинения. Мне вновь разъяснили, что неважно, куда делись деньги, коль они ко мне попали незаконно, то это есть хищение. И я признал себя виновным в хищении.

Что касается так называемых фактов хищения 25 и 35 досок, 2 поросят и 1000 шт. кирпича, то я не хочу на них останавливаться. Только разнузданная жажда расплаты могла привести к столь абсурдному обвинению — в то время еще генерала Советской армии. К тому же 35 шт. досок фигурируют в двух эпизодах и дважды за них взыскивается сумма.

Изложенное мною не вяжется с утверждением государственного обвинителя и приговора суда с законом. Если Вы хотя бы минимально объективно оцените все материалы дела, то Вы убедитесь, что и другие факты, изложенные в приговоре, не будут характеризовать меня как стяжателя и похитителя государственного имущества. 13. 08. 1963 г.».

«Маршалу Советского Союза Малиновскому.

...Одна только крайняя опрометчивость делает умного человека способным принять участие в судьбе другого человека, не зная ни жизни, ни сердца этого человека. Так и Вы столь же опрометчиво поспешили к крайним выводам, и сейчас не обращаете ни малейшего внимания на последующие звенья дела, которые должны были бы приостановить расправу надо мной... Ложь моего обвинения находится за Вашим поверхностным, наружным взглядом...

Вот как все развивалось.

С 1960 г. я был в крайне враждебных отношениях с членом военсовета 28-й армии генералом Т. Этот человек не знал другого пути, как повысить роль гл. ВС, кроме сеянья страха... На одной из партийных конференций я заявил, что под его руководством политлtdел армии превратился из органа доброй мысли и души в следственно-карательный и интриганский. В доказательство приводил примеры. Этого было достаточно, чтобы за год около десяти целенаправленных комиссий и ревизий посетили мою службу. Вышло несколько разносных приказов, часть из которых, правда, были невыполненными, а часть были отменены. За год я дважды подвергался партийному разбирательству и дважды жестоко наказан. А до этого 10 лет я не имел ни одного взыскания, был награжден около 20 раз.

Вины своей я не признал и не признаю до сих пор. Я не мог, не могу и не должен поступить иначе... Для подлости, как и для героизма, нет ничего невозможного.

Вы скажете: действуйте — справедливость восторжествует. Да, так казалось и мне. Если бы мне в прошлые времена кто-нибудь

сказал о наличии произвола в стране в период развенчанного культа личности, я считал бы за клевету на советскую действительность. А в жизни все иначе...

Лишенный всяких прав и возможности отстаивать дело чести, я восемь раз обращался с письмом к Хрущеву, и ни одного письма к нему не допустили... Я не мог вторично вручить свою судьбу в руки прокуратуры... и всякий раз разговаривать с ней отказывался. В беседах со мной обещали через год-полтора освободить, а покойный М. высказал моей жене: «Расстреляли бы, если бы знали, что он такой...»

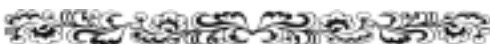
Я обратился к письмом к Вам, просил Вас поддержать мое ходатайство о помиловании, учесть, что мною в жизни сделано полезного для народа, и с учетом того, что я осужден за несовершенные деяния. И получил от Вас в ответ стряпню оруженосцев...

Вы в ответе подписали, что я организовал преступную группу, что совершал преступно-корыстные деяния, чем и нанес большой материальный ущерб государству.

Нет и не существовало никаких групп, составленных из преступных лиц. Я не из тех, кто мог оказаться в отвратительной сделке и толкает в бездну людей без совести и разума, сея вокруг преступность и вызывая бурю гнева...

С женой Надеждой Александровной

Маршал Советского Союза! Надо, однако, понять значение всего, о чем я пишу, и не быть ни подлецом, ни трусом... Уйдет время, и нас, кто выживет, как равных примет жизнь и свобода. Н. Арсеньев».

Дата письма в рукописном оригинале не указана. Зато

**Брестская крепость.
1961 г.**

запечатлена дата — 9 мая 1960 г. — под телеграммой, предваряющей это письмо:

«Генерал-майору тов.

Арсеньеву Н.И.

Сердечно поздравляю с присвоением Вам воинского звания генерал-майора. Министр обороны СССР маршал Советского Союза Р. Малиновский. 9 мая 1960 г.».

«Председателю

*Комитета ветеранов ВОВ
маршалу Советского Союза
С.К. Тимошенко.*

В июле 1962 года я осужден... за злоупотребление по службе и хищение госимущества с нанесением государству ущерба на сумму 4713 руб. (автомобиль «Победа», конфискованный у Арсеньева, тогда можно было купить за 1,6 тыс.

руб., буханку хлеба — за 14 коп., месячная зарплата комдива составляла примерно 600 руб. — Ред.).

Товарищ маршал! Во имя моего прошлого, моих заслуг перед Родиной и партией, во имя своей семьи я прошу Вас возбудить от себя лично или от имени ветеранов ВОВ ходатайство о моем помиловании... Н. Арсеньев. 24. 08. 1963 г.»

«04. 10. 1963 г. №4639. Просим сообщить Арсеньеву Николаю Ивановичу, что Советский комитет ветеранов войны судебных дел не рассматривает... Зам. Отв. Секретаря (подпись)».

Владимир Козырев

Благодарю Владимира Николаевича Арсеньева (г. Брест) за предоставление дневников отца Н.И. Арсеньева;

Валентину Михайловну Линник (г. Санкт-Петербург) за предоставленные фотографии и материалы.

В статье использованы публикации журналистов Валерия Адамянц-Подъякова, Андрея Некрасова, Анатолия Гурина.

Аллея Славы в г. Бежецке. 9 мая 2010 года

Галина Павловна Говорова

«Мой мир из красок...»

*Мой мир из красок,
И из Тебя,
И из хаоса дня,
Из пронзительной грусти
Последних разлук...*

Галя родилась в Бежецке в первый послевоенный год. Тяжело было не только ее многодетной семье – всей стране, каждому, кто воевал или работал в тылу. Но ее детские воспоминания уже связаны с красками.

«Мой старший брат великолепно рисовал. И я, совсем еще ребенок, подолгу стояла у него за спиной, наблюдая за тем, как рождается натюрморт или пейзаж. Иногда тайком утаскивала тюбик-другой краски и пыталась что-то изобразить сама...»

Первыми, кто заметил в ней одаренность и тягу к рисованию, были школьные учителя – С.Ф. Вихрова и А.М. Арсеньев. Они сделали всё, чтобы развить и направить способности девочки, и об этих людях Галина Павловна вспоминает с особой теплотой.

В четырнадцать лет она набралась храбрости и уговорила М.И. Кузнецова, человека в Бежецке поистине легендарного, принять ее в изобразительную студию, которой, помимо оркестра, руководил «мэтр». Там, среди людей достаточно взрослых, юная Галя делала первые шаги в самостоятельном творчестве. После школы вопрос «что делать?» перед ней не стоял. Галина решила всерьез заниматься живописи-

сю и, хотя не все в семье разделяли ее выбор, поступила в Калининское полиграфическое училище. Прозанимавшись около четырех месяцев, поняла, что полиграфия – не для нее. Шрифты, виньетки, рамки, обложки – всё это мало напоминало тот мир красок и фантазии, к которому она стремилась. Галя вернулась из Калинина домой, но мечту свою не оставила.

В 1964 году она отправилась в Московскую область поступать в Абрамцевское художественно-промышленное училище. В небольшой поселок близ Сергиева Посада (тогда Загорска), по ее словам, съезжались тогда ребята с Севера, Урала, со всей страны. Конкурс был семь человек на место, но Галя была зачислена.

«В первый год я дважды бросала учебу. Всё было не так, как дома, – строго, даже придирчиво. Здесь, в Бежецке, я всегда на «отлично» рисовала, а там еле-еле на «тройки» плелась. Бывало, всё – кажется не могу больше, не хватает ни сил, ни терпения. Срываюсь, еду домой, а через несколько дней снова влечет и тянет обратно...»

Говорят, одаренный человек редко проявляет себя в чем-то одном. В стенах училища, среди холстов и скульптур, Галина начала пробовать свои силы в поэзии. Первые строчки, первые рифмы, первые публикации в местной прессе – всё это придавало сил и уверенности в правильности выбранного

В Абрамцевском художественно-промышленном училище.

1967 год

На пленэре

пути. Впрочем, профессиональным поэтом Галина Павловна стать никогда не стремилась. Все свои стихи, начиная с первых и по сей день, она пишет, что называется «для себя», по вдохновению.

Позади годы учения, и Галина едет по распределению в Ростов-на-Дону. Ей предлагали работу в Калинин и Ленинграде, но она отправилась в далекий южный город навстречу неизвестности и впечатлениям. Когда ты молод, это ведь так просто. Однако «Ростов-папа» первые восторги начинающей художницы охладил. Она попала в мастерские по производству ширпотреба типа «Налетай, торопись – покупай живопись!» Серийные изделия, чашки, пепельницы – совсем не об этом мечтала Галина, штудировав в училище рисунок и живопись. Да и условий для собственного творчества у нее не было: ни своего жилья, ни мастерской в чужом городе.

«Так бы и кисла я положенные три года в Ростове, расписывала чашки да оформляла витрины магазинов, если бы не одна встреча. Я познакомилась с московским прозаиком Иваном Яновым, которого заинтересовали мои стихи. Видя, что я просто маюсь и не могу «найти себя» в Ростове, он добился того, чтобы мне разрешили досрочно вернуться домой, в Бежецк. Так в начале 70-х закончился мой «ростовский период».

В те годы зарабатывать на «вольных хлебах» могли только члены творческих союзов. Все остальные граждане должны были где-нибудь «служить», в противном случае объявлялись «тунеядцами» и автоматически вступали в конфликт с законом. Чтобы этого не случилось, Галина рисовала афиши в кинотеатре, работала оформителем на заводе БОЭЗ. При этом совершенствовала себя в живописи и графике, работала на «пленэре», создавала портреты своих современников. Не оставляла Галина Павловна и занятия поэзией – в бежецкой районке «Путь коммунизму» появлялись ее стихи.

Однажды по приглашению своей подруги Галина приехала погостить в поселок Жарковский, что на западе Тверского края. Приехала... и осталась. Ее покорила этот «медвежий угол», его природа и люди. Работая художником-оформителем на местном деревообрабатывающем комбинате, она в свободное время с упоением пишет портреты друзей, натюрморты, пейзажи Верхневолжья. А за образами значительными почти всегда рождались образы поэтические, и в местных газетах тоже печатаются стихотворения Галины Павловны. Время, проведенное в Жарковском, было для нее настоящей «болдинской осенью».

Михаил Иванович Кузнецов преподает в изобразительной студии

Жизнь, к сожалению, берет свое. Ушел из жизни старший брат, стала болеть мама, и Галина в середине 70-х перебирается назад в Бежецк. Здесь она, устроившись оформителем в «Бежторг», формально работает над дизайном торговых площадей этой организации, а фактически – вливается в коллектив молодых бежецких художников. Неоднократно выставляет свои работы в краеведческом музее, библиотеке, Доме культуры. По рекомендации Михаила Ивановича Кузнецова принимает участие в областной выставке самодеятельных художников в Твери. И, конечно, не расстается со стихами.

В мастерской

Работы Галины Павловны на областной выставке

Много строк и холстов она посвятила Ван Гогу, – своему любимому художнику. Ее работы, приобретенные или принятые в дар, находятся в частных коллекциях в разных городах России.

Сейчас Галина Павловна на пенсии, но продолжает творить у себя дома. Запах красок, картины на стенах, книги на полках, папка со стихами и множество друзей – это ее мир. Мир, который и должен окружать талантливого и доброго человека. Мир из красок и рифм...

Александр Симонов

Вернисаж в День города. 2012 год

Галина Георгиевна Губанова

Покой ей только снился...

Учитель с 38-летним стажем работы (был бы больше, да годы учебы исключены) Галина Георгиевна Губанова живет не в благоустроенной квартире, а в старинном родовом доме, где жили в свое время дед и прадед ее, но занимает она небольшую площадь, поскольку в этот дом вселены и посторонние жильцы. При жизни мужа было сделано газовое отопление, а вот воду приходится носить самой. И выносить тоже. Есть небольшой огороδικ, на котором она выращивает необходимые овощи и который является дополнением к небольшой учительской пенсии. В день моего прихода Галина Георгиевна убирала свёклу. «Что за сорт! – посетовала она мне. – Длинная какая-то. Как турнепс, который мы ели в далёком голодном детстве». Я у Галины Георгиевны не училась (с ней работала моя мама Павла Матвеевна Колесниченко в средней школе №6), но когда с ней общаюсь, складывается такое впечатление, что мы знакомы давным-давно.

Родилась Галина Георгиевна 17 февраля 1933 года в Бежецке, в том самом родовом доме, о котором сказано выше. Отец работал землеустроителем и кормил всю семью из шести человек. Росли в спокойной и дружелюбной атмосфере. Пора идти в школу совпала с началом Великой Отечественной войны. Мама определила маленькую Галю в восьмилетнюю школу №1, что находилась на Новоконюшенной улице, а ныне СОШ №5 им. Л.Н. Гумилёва на Школьной улице. Учебное заведение состояло из двух корпусов: маленький предназначался для младших школьников, большой – для старших. Через два месяца после начала учебного года в

**Дед и бабушка Сергей Семенович
и Александра Николаевна Бардины**

**Галия (с санками) с братом Витей
(на лыжах)**

большой корпус угодила бомба. Галина Георгиевна до сих пор помнит, как к ним в класс привели двух испуганных старшеклассниц. У одной из них волосы были белые-белые – это известка с потолка так «посеребрила» их. После этой бомбежки мама забрала Галю из школы, поэтому продолжить учебу она смогла только в 1942 году в Кашинском районе, куда семья переселилась и жила там вплоть до самого окончания войны.

По возвращении в Бежецк учебу Галина Георгиевна закончила в СШ №4, которая находилась тогда около храма Иоанна Богослова. В 1952 году поступила в Ярославский педагогический институт им. К.Д. Ушинского на физико-математический факультет и в 1956 году окончила его. Направление получила в сельскую школу села Рождествено Масловского района Ярославской области. Преподавала математику. Проработав там два года, перевелась в среднюю школу села Воскресенское того же района. Здесь преподавала четыре года физику. В 1962 году вышла замуж за Анатолия Ивановича Губанова, жили хорошо, но тянуло в Бежецк. Однажды «на семейном совете» было решено: надо ехать. И уехали.

В Бежецке Галина Георгиевна стала работать в восьмилетней

школе №2 поселка Сельмаш, впоследствии переименованной в СШ №6. От дома далеко: больше часа ходьбы туда и столько же обратно. Сначала вела математику, а когда школе присвоили статус средней, стала преподавать физику. Под ее руководством ученики осваивали сложные точные науки, проводили опыты и лабораторные работы по физике. Она занималась с ними дополнительно, чтобы те, кто отставал, усвоили программу хорошо, а те, кто собирался учиться дальше, знали бы больше и поступили в выбранные учебные заведения. Сотни ее учеников разъехались по стране. Многие из них окончили авиационные, радиотехнические и другие вузы. Гордостью своей считает Галина Георгиевна бывшую ученицу Галину Дмитриевну Свиридову, которая преподает историю в СОШ №3. Именно ей достался грант в 100 тысяч рублей в 2007 году. Другой ее гордостью является директор СОШ №5 им. Л.Н. Гумилева Александр Николаевич Соколов. Когда-то в характеристике ему Галина Георгиевна написала, что он будет хорошим учителем и даже руководителем. Так оно и вышло. В 2007 году этой школе исполнилось 100 лет, и именно она выиграла грант в 1 миллион рублей. «Александр Николаевич – настоящий директор, – говорит Галина Георгиевна, – он очень уважительный и доброжелательный, никогда не забывает по-

Девятый класс СШ №4. 2-я справа в первом ряду Галя Коптева

здравить с праздником или днем рождения». Дружба учительницы и учеников продолжается до сих пор.

Проработала Галина Георгиевна в шестой школе до самого выхода на пенсию. Но отдыхать долго не довелось: попросили выручить Княжевскую школу. Согласилась. Думала на год, а проходила туда шесть лет.

На протяжении всего периода работы Галина Георгиевна Губанова выполняла различные общественные поручения. Еще в институте занималась художественной самодеятельностью, была избрана членом научно-студенческого общества. Работая в сельских школах, возглавляла комсомольскую организацию. Здесь, в Бежецке, неоднократно избиралась членом профсоюзного комитета, избирательных комиссий, страховым делегатом. В 2001 году Галина Георгиевна возглавила районную учительскую организацию ветеранов, одной из задач которой является возрождение патриотического воспитания в учреждениях образования, поэтому дома сидеть не приходится. Бывает на пленумах, заседаниях советов ветеранов, проводит и встречает экскурсии из районов нашей области. Сама ездит к ним. Часто выступает с различными беседами перед школьниками всех школ города. И даже летом, когда начинают работать пришкольные лагеря отдыха, она продолжает встречаться с маленькими беже-

Отец Георгий Сергеевич Коптев

Мать Нина Сергеевна Коптева

чанами. По своему характеру Галина Георгиевна человек общительный и очень добрый. До сих пор не теряет связи с родной школой, интересуется ее жизнью, не забывает поздравить коллег с праздником. Так и кажется, что этот человек не замечает своего возраста.

Награды у Галины Георгиевны такие: почётные грамоты за то, что её школьники часто занимали призовые места в городских и областных олимпиадах, Благодарственное письмо Законодательного собрания Тверской области. Как победитель конкурса знатоков истории Бежецкого края «Краевед», проведенного в честь Дня города в 2007 году, имеет Диплом II степени. Есть в архиве Галины Георгиевны Почетная грамота за многолетнюю добросовестную работу в системе народного образования, Почетная грамота областного совета ветеранов как представителю учительской ветеранской организации за II место в конкурсе ветеранских организаций и много других – все не перечислить. Но самой главной для себя наградой она считает медаль «Ветеран труда».

На улице сгущаются сумерки, а мы сидим с Галиной Георгиевной за столом в уютной и теплой комнатке и тихо беседуем под мягкое кошачье мурлыканье. С большой теплотой в голосе рассказала Галина Георгиевна о тех давних новогодних праздниках. В их доме почти все соседи ставили огромные, до потолка, елки и устраивали

Галина Георгиевна с мужем Анатолием Ивановичем

детские утренники, на которые дети ходили по очереди – сегодня к одним, завтра к другим. Для них взрослые готовили самодельные новогодние подарки в кулках, склеенных из газеты. Радости было! На подобные «елки» ходили и к знакомым. Даже записывали, в какой день к кому пойти, чтобы не забыть. Теперь такого нет. А жаль. Разобщенность – вот главная черта конца прошлого и начала нынешнего века. Еще раз жаль.

Валентина Колесниченко

PS. Данный материал был подготовлен незадолго до кончины Галины Георгиевны, поэтому оставлено так, как при жизни.

Фото из семейного альбома Дмитрия Губанова

Победители конкурса «Краевед». 2008 год

Петр Михайлович Дружинин Бежецкий светописец

В конце XIX – начале XX веков одной из заметных и уважаемых фигур в России, особенно в небольших городах, крупных поселениях, промышленных поселках, железнодорожных станциях становится фотограф. Благодаря неутомимой деятельности этих специалистов многие виды провинциальной архитектуры: храмы, учебные и административные здания, торговые ряды, вокзалы, а также портреты местных жителей – попадают в объективы фотокамер и на многие десятилетия становятся ценнейшими документами давно ушедшей эпохи.

К таким, бесспорно, выдающимся фотолетописцам относится бежецкий фотограф Петр Михайлович Дружинин. Он родился в 1880 году в деревне Новая Слобода. Это селение, как писал тверской публицист В.И. Покровский, посетивший эти места в начале 1870-х годов, «состояло из двадцати пяти домов, расположенных в одну прямую улицу. Дома стоят не тесно, перед некоторыми посажены березки». Деревня находилась недалеко от села Княжево, в двух километрах от Бежецка. Местные жители имели «наклонность к торговой жизни и постепенно отвыкали от крестьянских дел». Большинство свои луга и пашни отдавали в аренду, оставив себе огородничество – выращивали картофель и капусту. Продукты продавали на местном рынке. Почти всё население занималось отхожими промыслами: одни были коробейниками, другие – приказчиками, третьи служили дворниками в городе, четвертые были извозчиками. Женщины занимались прядением. В 1874 году на крестьянских землях деревни работали две маленькие спичечные фабрики.

Отец будущего фотографа Михаил Алексеевич Дружинин помимо огородничества вел мелкую торговлю. Потом он решил заняться производством спичек. Для этой цели в километре от Бежецка купил участок

земли и вскоре построил на нем небольшое производственное помещение для хранения бревен, лесоматериалов и изготовления спичек. Товар выпускался в небольших коробках с надписью: «Безопасные спички. В гор. Бежецке Тверской губ. при дер. Слобода». Фабрика не давала больших доходов и впоследствии была продана.

Кроме Петра в семье было еще три брата: Василий, Иван и младший Алексей. К сожалению, о судьбе старших нам почти ничего не известно.

Первоначально на выбор профессии Петра оказали влияние семейные традиции. Его дед по материнской линии был священником в одном из приходов близлежащего уезда. Мальчик часто ездил к нему в гости и по его настоянию вынужден был поступить в Бежецкое духовное училище. В те годы в этом учебном заведении были довольно высокие требования к учащимся, поддерживалась строгая дисциплина и непременной была методика обучения. После нескольких лет учебы и конфликта с одним из преподавателей юноша решил покинуть стены училища.

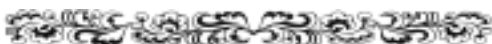
Инцидент заставил Петра более основательно определить круг своих интересов, и он выбрал для себя довольно необычную, редкую, но престижную профессию фотографа. Что заставило молодого Дружинина сделать такой шаг, неизвестно.

В это время в Бежецке уже существовали два фотоателье. Одно из них находилось на Кашинской улице, недалеко от рынка, на первом этаже дома с мезонином. Его хозяином был Леонид Васильевич Молвыгин. Это фотоателье появилось в конце 1880-х годов и существовало до начала 1900-х. Дом был уничтожен пожаром в 1920 году. Снимки, сделанные в этой мастерской, до сих пор хранятся у некоторых бежечан.

Другое фотоателье было открыто в 1894 году бывшим крестьянином Ярославской губернии Александром Афанасьевичем Лопатиным. Оно находилось на втором этаже двухэтажного каменного дома на углу Постоялой улицы и Воздвиженского переулка (ныне ул. Красноармейская, 18). Это фотоателье было хорошо оснащено технически: установлено специальное оборудование, поставлены различные экраны. Фотографии, сделанные у А.А. Лопатина, по своему качеству почти не отличались от работ столичных мастеров, что получило большое признание у местного населения.

Не вызывает сомнения, что П.М. Дружинин, прежде чем сделать свой первый шаг к освоению профессии, интересовался работой местных фотографов и неоднократно посещал их ателье. Эта сфера деятельности показалась ему привлекательной, и он в начале 1900-х годов едет в Петербург и несколько лет учится у частного фотографа.

В это время в городе на Неве работало свыше 300 фотоателье, из них около 70 были расположены на Невском проспекте. В городе

**Петр Дружинин.
Санкт-Петербург**

трудилось большое количество высококвалифицированных фотографов, издавались необходимые книги, журнал «Фотограф-любитель», были организованы курсы, проводились фото-выставки. Бесспорно, учеба и особая атмосфера в одном из крупнейших центров фотографического искусства способствовали тому, что молодой человек получил очень много профессиональных сведений.

После завершения учебы П.М. Дружинин возвращается в Бежецк. К этому времени его родители переехали из деревни в город. Они купили дом на Постоялой улице, 127. Около этого дома Дружинин построил небольшое деревянное помещение, в местном обиходе получившее название «будка». В ней Петр Михайлович разместил свое первое фотоателье. На оборотной стороне его первых снимков появилась печать с надписью «Петербургская фотография П.М. Дружинина в Бежецке Твер. губ.» Самая ранняя из известных нам карточек имеет надпись «1905 год».

Постоялая улица, дом 127

Однако новое фотографическое заведение, находившееся на окраине города, в стороне от главных дорог, не пользовалось большой популярностью среди местного населения. Бежечане предпочитали фотографироваться у А.А. Лопатина. Тем не менее посетители у молодого фотографа были. Скопив немного денег, П.М. Дружинин решил жениться. Его избранницей стала уроженка города Углича Александра Петровна. Девушка была моложе будущего мужа на шесть лет. По свидетельству близко знавших ее людей, она была доброй, приветливой женщиной, хорошей хозяйкой.

Вскоре Петр Михайлович покупает небольшой участок земли на Старой Угличской дороге, на улице Мещанской (ныне Нечаева), недалеко от Спасского (ныне Октябрьского) переулка. На этом месте он построил небольшой дом, но прожил в нем недолго. Вероятно, в это время П.М. Дружинин познакомился с очень деловым и энергичным купцом Петром Феофановичем Рудаковым, торговавшим галантереей и конфекционным, то есть готовым женским платьем и бельем. Товар он привозил из Варшавы, поэтому на домах, где он торговал, была вывеска «Варшавский магазин».

Автор рукописи «Описание фотографий города Бежецка до 1917 года», старожил, краевед В.С. Анкудинов (1913-1982) сообщает об этом купце: «П.Ф. Рудаков приехал в Бежецк в 90-е годы XIX века, арендовал помещение на Рыбинской улице (между Постоялой и Кашинской улицами) и открыл торговлю. Немного разбогатев, он арендовал первый этаж дома купца Белова (угол Большой и Садовой улиц). Видимо, торговля шла вполне успешно», так как уже в 1913 году он построил собственное двухэтажное здание на Большой улице (ныне в нем находится офис главы администрации города).

П.Ф. Рудаков – один из первых в Бежецке купцов, получивший право на издание открытых писем и издававший их типографским способом (до него открытки издавал фотограф А.А. Лопатин). На первом выпуске открыток имеется надпись: «Изд(ание) П.Ф. Рудакова», на других – «Издание Варшавского магазина». Петр Феофанович довольно быстро оценил профессиональные способности молодого фотографа и, как рассказывает В.С. Анкудинов, «именно ему, Рудакову, мы обязаны возможностью видеть большинство этих снимков. Это он в 1906 году заказал фотографу Петру Михайловичу Дружинину сделать снимки видов города, а затем издал их в Санкт-Петербурге и Варшаве большим тиражом, и разошлись виды Бежецка в виде почтовых открыток... по всей Российской империи».

Благодаря этим заказам и помощи П.Ф. Рудакова П.М. Дружинин решил переселиться на более выгодное для фотографа место. Он покупает земельный участок на Введенской улице, напротив колокольни,

и строит по своему проекту новый дом. Временно его фотоателье находится на Большой улице. После завершения строительства он переезжает в свой дом на Введенской ул., 34 (сгорел несколько лет назад). На первом этаже живет его семья и находится приемная для посетителей, на втором, в специальной постройке – оборудованная студия со стеклянной крышей. Автор комментариев к рукописи В.С. Анкудинова краевед Б.П. Тарасов вспоминал: «Фотостудия без всяких кавычек у Дружинина была великолепной, с большим выбором декораций, оттеняющих экранов. Одно там было неудобно: очень крутая лестница на 2-й этаж». Современное техническое оснащение, удобное для местных жителей расположение, мастерство хозяина сделали его фотоателье одним из лучших в городе. Бежечане предпочитали фотографироваться у этого добродушного увлеченного своим делом человека. Необходимо отметить, что с первых шагов работы П.М. Дружинина его верным помощником и учеником несколько лет был младший брат Алексей, который в 1912 году открыл свое собственное фотоателье на втором этаже небольшого кирпичного здания на Большой улице. (Ныне д. 57 а. В 1980-е годы в нем находилась льносемястанция.)

Необходимо отметить, что, несмотря на удачно сложившуюся карьеру и завоевание определенного авторитета среди некоторой части

Собственный дом и фотоателье на Введенской улице, 34

местного населения, всё же Петр Михайлович не был единственным фотографом в городе. Немало бежечан пользовались и отменным фотографом А.А. Лопатиным. Хотя фотографии относились друг к другу с большим уважением, между ними всё равно установилось некое негласное соперничество. Невольно произошло распределение некоторых сфер деятельности. Оба имели разрешение на съемку видов Бежецка: А.А. Лопатин выпускал стереофотографии, а П.М. Дружинин занимался изданием открытых писем. В этой ситуации необходимо было постоянно совершенствовать свое мастерство, быть на гребне современной фототехнической науки. Для этой цели Петр Михайлович выписывает специальные журналы, книги, знакомится с искусством других фотографов и особенно – с работами профессиональных живописцев, поскольку их выработанное веками умение видеть мир и лаконично, образно отражать его на холсте чрезвычайно ценно и для фотографа.

Через несколько лет П.М. Дружинину представился случай познакомиться с профессиональным живописцем. В 1913 году в Бежецк приехал уже сложившийся замечательный художник, воспитанник Московского училища живописи, ваяния и зодчества, ученик знаменитого Аполлинария Михайловича Васнецова Иван Малахиевич Костенко. В городе он стал преподавать рисование в женской гимназии и реальном училище. Вскоре пути местного фотографа и зрелого художника пересекутся, и Петр Михайлович уже на совершенно другом уровне будет осваивать законы композиции и брать уроки рисования. Через некоторое время это занятие станет важной частью его жизни, и значительная доля свободного времени будет посвящена воссозданию на холсте живописных бежецких пейзажей.

Фотоателье на Большой улице, 57а

Занятия живописью способствовали тому, что снимки П.М. Дружинина существенно отличались от работ других фотографов не только особым качеством, но и емким художественно-выразительным стилем. Видно, что он тщательно продумывал все детали портрета, пытаясь раскрыть внутренний мир своего современника. Его фотографии печатались на специальной бумаге. На обратной стороне снимка был рисунок с изображением мольберта с установленной на нем картиной, палитрой с кистями, фотокамеры на штативе, веточек вербы и цветов. Все эти предметы символизировали круг интересов фотографа. На палитре разместились красивая художественная, уже знакомая нам надпись: «Петербургская фотография П.М. Дружинина». Внизу сообщался адрес фотоателье: «В Бежецке Твер. Губ. Введенская площадь против старой колокольни собственный дом».

Другим важным увлечением Петра Михайловича была музыка. Он приобрел рояль, поставил его в фотоателье и научился неплохо на нем играть. Впоследствии он даже сочинял для себя и своих знакомых небольшие музыкальные пьесы.

Семейная жизнь Петра Михайловича Дружинина складывалась удачно. Его жена родила ему троих детей – двух мальчиков и девочку. Она нашла себе достойное дело: занималась изготовлением женских летних головных уборов, поэтому на обороте некоторых снимков Петра Михайловича была надпись: «При фотографии мастерская дамских шляп». Разнообразие и великолепие изделий, изготовленных в этой мастерской, мы имеем возможность увидеть и сейчас, благодаря объективу фотокамеры.

Во второй половине 1910-х годов бежечане стали отдавать предпочтение мастерству П.М. Дружинина. Он становится первоклассным специалистом. На его работу обращают внимание и приходят фотографироваться люди разных сословий: дворяне, купцы, служители церкви, именитые граждане города, крестьяне, мещане. Его приглашают фотографировать наиболее важные события городской жизни, такие как поднятие колокола на колокольню Введенской церкви (18 октября 1910 г.), похороны городского головы И.А. Петухова (май 1913), прибытие в Бежецк чудотворной иконы святого Николая Мирликийского из Николо-Теребенской пустыни (1910-е гг.), парад Бежецкого добровольного пожарного общества на Соборной (ныне Советской) площади. Фотограф делает снимки преподавателей и выпускников женской гимназии, высшего, начального городского, частного реального и духовного училищ, а также работников различных заведений, предприятий, организаций.

На своих фотографиях П.М. Дружинин запечатлел черты давно ушедшего местного быта. Так, на одном из снимков можно увидеть

водовозный плот на реке Остречине. На нем две повозки с бочками. В начале XX века в городе еще не было водопровода, поэтому воду черпали из реки специальным «черпаком» (ведро, закрепленное на ухвате с длинным шестом), сливали в отверстие бочки и отвозили всем крупным потребителям: в пекарни, трактиры, квасные, больницы. На другой фотографии П.М. Дружинин запечатлел центральную дорожку липового бульвара и прогуливающихся по нему горожан. При внимательном рассмотрении снимка можно заметить, что деревья окружает изгородь из жердей. Появилась она потому, что бульвар был устроен у западной стороны Бежецкого женского Благовещенского монастыря. Чтобы поздно вечером или ночью по бульвару не прогуливались влюбленные парочки или не расхаживали озорные молодцы, вводящие в соблазн молодых послушниц, и было решено часть бульвара, расположенного у монастыря, огородить и местных жителей пускать только в дневное время, а на ночь эта территория закрывалась и охранялась полицией.

В работах П.М. Дружинина можно видеть и другие важные особенности бежецкой жизни первого – второго десятилетий XX века. Фотограф шаг за шагом отражал труд, торговлю и отдых жителей города.

Его фотографии иногда использовались для иллюстрации небольших книг, в частности, брошюр протоиерея И.А. Хильтова «Историческая записка о Бежецком Благовещенском монастыре» (Бежецк, 1915), «Преподобный Нектарий Бежецкий» (Петроград, 1915). Кроме того, фотограф принял участие в изданиях открыток уже упомяну-

Поднятие колокола на колокольню Введенской церкви
18 октября 1918 года

того П.Ф. Рудакова, В.А. Иванова (Ярославль), В.А. Гагина (Бежецк), контрагента А.С. Суворина (Санкт-Петербург) и сам выпустил немалое количество открытых писем. В общей сложности благодаря П.М. Дружинину было выпущено свыше 150 открыток с видами Бежецка.

После Октябрьской революции выпуск открытых писем был прекращен. Новая власть не хотела больше видеть фотографии храмов, поскольку было объявлено, что религия есть «опиум для народа». Не желала она любоваться и дворянскими и купеческими особняками. Так, один из большевиков в феврале 1918 года, проходя вместе с манифестантами мимо дома сенатора Ф.Ф. Иванова, воскликнул: «Вы думаете, что этот дом стоит на фундаменте? Нет, он стоит на наших костях. А эти колонны? Вы думаете, что они из дерева? Нет, они из наших мозгов». Дом самого П.М. Дружинина несколько раз обыскивали, искали драгоценности и следы контрреволюционной деятельности. Трое суток его продержали в тюрьме, но в доме ничего не нашли. В такой атмосфере фотографу приходилось заниматься изготовлением портретов и групповых снимков, фотографировать общественные мероприятия: митинги, демонстрации, заседания.

В 1921 году на семью П.М. Дружинина обрушилось несчастье. Рассказывает старожил города Бежецка, бывший врач-окулист, ныне пенсионерка Регина Петровна Белкова: «В те годы дети очень любили играть в песочной яме. Там был очень сыпучий, липкий песок. Из него было очень удобно строить дома, улицы, город. Однажды у края ямы сорвалась огромная глыба песка и засыпала детей. Об этом сообщили моей матери Лидии Ильиничне Орловой. Думали, что в беду попал мой брат, которому было семь лет. Но оказалось, что погиб сын Петра Михайловича Дружинина и еще один мальчик. После этого случая нас играть в песочную яму не отпускали».

В 1930-е годы фотоателье П.М. Дружинина стало называться фотографией «Осоавиахима» (Общество содействия обороне, авиации и химическому строительству), а Введенская улица, где находилось это заведение, была переименована в улицу Лассалья. На оборотной стороне многих фотографий этих лет выделяется чернильная печать с адресом и названием фотоателье, а на некоторых есть еще и другой оттиск – призыв «Крепите оборону страны. Вступайте в члены Осоавиахима». На некоторых, вероятно более удачных снимках, есть печать «Работа фотомастера Дружинина».

В конце 1930-х годов Петр Михайлович стал фотографом-ателем «Труд – инвалид». Его работы по-прежнему вызывают интерес у бежечан. Вспоминает врач-пульмонолог Евгения Григорьевна Новосадова, урожденная Серова, с детских лет знавшая П.М. Дружинина: «Наша семья дружила с Петром Михайловичем. Он был очень эрудированным человеком, прекрасно играл на пианино. У него была прекрасная библиотека. Мы все ходили к нему фотографироваться».

На протяжении всей плодотворной, творчески активной жизни

П.М. Дружинин тщательно собирал и сохранял фотонегативы, но судьба их сложилась печально. Из рассказов Б.П. Тарасова известно, что в 1940-е годы в фотомастерскую Петра Михайловича пришли сотрудники НКВД и разбили все хранившиеся у него негативы – стеклянные пластинки, покрытые светочувствительным слоем. Их осколки были утоплены в ближайшем пруду. Такое варварское отношение к фотодокументам прошлого, вероятно, было вызвано тем, что эти пластинки хранили портреты неугодных власти репрессированных людей, а также виды красивых храмов, две трети которых было разрушено.

В годы Великой Отечественной войны семью П.М. Дружинина постигло еще одно несчастье: на фронте погиб его сын. Он тяжело переживает эту потерю, но по-прежнему много работает, а в свободное время делает зарисовки бежецких пейзажей. В 1940-1950-е годы он принимает участие в ряде художественных выставок в Москве и Калинин (Твери). Рассказывает внучатый племянник П.М. Дружинина И.В. Малиновский: «За свою жизнь дядя написал около 680 картин. Все они представляют огромный интерес для любителей искусства. В основном они украшают частные дома».

В последние годы жизни П.М. Дружинин был дружен с преподавателем истории одной из школ Бежецка, художником Виктором Николаевичем Луговским. «Я приехал в Бежецк, – вспоминает В.Н. Луговской, – в 1959 году и жил недалеко от дома П.М. Дружинина. Однажды я рисовал колокольню Введенского монастыря и ко мне подошел незнакомый мужчина, посмотрел на мое полотно и спросил: – А Вы давно рисуете?»

Он был высокого роста, худощавый, лицо слегка красноватое. Внешне он был опрятен, носил толстовку, серые брюки и белую ру-

Петр Михайлович со своими братьями – стоит в центре

башку. Я рассказал ему, что занимаюсь живописью с детских лет, еще в годы жизни в детском доме, где моим наставником был ссыльный художник Владимир Иванович Максимов. За рисунок с изображением И.В. Сталина его сослали в город Чкалов, ныне Оренбург, и он у нас был учителем рисования. В педагогическом училище этот предмет нам преподавал художник-график Андрей Иванович Селиванов. После окончания училища я служил на флоте и, бывая в Ленинграде и Риге, посещал филиалы студии М.Б. Грекова, входил в группу художников-маринистов. Уроки нам давал Эдгар Калныньш. Потом я работал в Москве, в Политуправлении морских сил и посещал студию А.А. Пластова.

После моего монолога П.М. Дружинин сказал, что он тоже немного балуется живописью и пригласил меня к себе. Около его дома мы шли по дорожке, покрытой битым кирпичом.

В его мастерской мы долго говорили о живописи. Он показал мне свои работы. Я скептически принял его зарисовки. Его манера писать отличается от моей. Спорным было наложение красок. Оно отличалось от той закономерности, которую мы привыкли видеть. Но его живописные произведения были далеки от примитивизма, однако иногда наблюдалось нарушение перспективы. Возможно, это происходило из-за плохого зрения. У него было много очков, он очень долго их подбирал и носил двойные.

У него дома была хорошая библиотека: книги А.П. Чехова, И.С. Тургенева, В.Г. Короленко. На стенах висело много картин и фотографий. Он мне показывал журнал, кажется, он назывался «Нива», в котором еще до революции были опубликованы его фотографии.

Мы с ним подружились. Я неоднократно пил чай у него дома, и мы вместе с ним ходили на зарисовки. Рисовали мостик через Остречину, березы. В последние годы он плохо видел. В его картинах был очень силен фиолетовый тон. Потом я понял, что причина скрывается в его зрении и, вероятно, в том, что он очень долго работал фотографом».

В 1969 году у П.М. Дружинина умирает жена. После этой трагедии его дочь Мария Петровна, после замужества переехавшая в Кишинев, забрала отца к себе. Вдали от родных мест он вскоре закончил свою земную жизнь. Но в памяти своих земляков он навсегда останется человеком, запечатлевшим дела и портреты людей, живших в начале – середине XX века. Эти неоценимые документы, разлетевшиеся по всей стране в виде открыток и фотографий, в настоящее время приобретают особую ценность и становятся важным свидетельством прошлого.

Сергей Сенин

Иван Малахиевич Костенко

Долгие годы жил и трудился в городе Бежецке замечательный художник, воспитанник Московского училища живописи, ваяния и зодчества Иван Малахиевич Костенко.

Его замечательные работы не украшали стены музеев, несмотря на то, что его творчество было жизнеутверждающим, исполненным в реалистических традициях русской школы, традициях передвижничества.

Его пейзажи, натюрморты, портреты современников радовали людей, воспитывали в них чувство прекрасного, чувство любви к родному краю, чувство патриотизма. Ученик прославленных художников А. Васнецова, А. Степанова в своих работах, небольших по размеру, но емких по своему художественному достоинству, со своей любовью и проникновенностью отображал природу, красоту окружающего мира. Его произведения эмоциональны, гармоничны по цвету, композиционно законченны.

Например, «Ручей весной», написанный в благородной цветовой гамме. В нем много настроения ранней весны. В глыбах снега, земляных буграх и вешней воде чувствуются огромные скрытые силы природы. «Избушка» – островок человеческого жилья среди снежной пустыни, выполнена в очень тонких и нежных тональных и цветовых отношениях. Весь пейзаж согрет человеческой теплотой. От него веет задумчивостью и тихой грустью. «Осенний мотив» – побуревшие листья деревьев, увядшая трава. Ветер гонит холодные облака. От работы веет осенним холодом. И можно только перечислять, увеличивать список работ художника, которые можно смело поставить в один ряд с работами видных мастеров.

За свою долгую жизнь художник создал много замечательных произведений, но его работы разбросаны, не учтены и до сего времени не было ни одной попытки изучить его творческое наследие.

Этот большой энтузиаст не только писал свои произведения, он вел за собой отряд молодых художников, воспитывал их, обучал, направлял и оказывал моральную, а порой и материальную поддержку.

В 1918-1921 годах, будучи членом «Содружества любителей искусства», совместно с близким учеником А.Н. Самохваловым, Н.Н. Чистяковым, организует летнюю школу живописи, рисования и лепки, в которой занимались дети рабочих и служащих.

В качестве учителя рисования Иван Малахиевич преподает в Бежецкой гимназии, в реальном училище, а в советское время в школе ФЗУ и ФЗС, педагогическом училище и средней школе. При доме пионеров ведет специальный кружок изобразительного искусства.

Кроме этого художник очень часто устраивал выставки своих работ, иногда совместно с учениками, в классах школы под лозунгом «Искусство – в массы», «Искусство преображает быт».

Для более широкой пропаганды изобразительного искусства он выставляет свои пейзажи, натюрморты, портреты в окнах детской технической станции по улице Карла Маркса, мимо которых всегда двигался поток рабочих, колхозников, служащих и учащихся. Для этой цели использовалось также и фойе городского кинотеатра.

В 1936 году художник Костенко совместно с активом самодеятельных художников в Доме культуры организует первую Бежецкую районную выставку самодеятельных художников, на которой он участвует

Иван Малахиевич с женой Евгенией Сергеевной

большим количеством своих работ. Как художник-профессионал, Иван Малахиевич активно участвует в областных художественных выставках в городе Калинин.

Будучи в семидесятилетнем возрасте, он участвует в областной юбилейной выставке, посвященной 70-летию Сталина, выставив шесть своих работ: портрет Героя Социалистического Труда колхозницы М.К. Королевой, портрет заслуженного врача И. Прозорова, автопортрет и три натюрморта. Это было его последнее участие на художественных выставках.

Уроженец Дона, сын бедной солдатки Гликерии Стефановны Семилутовой и рядового Малахия Даниловича Костенко с детства прошел суровую школу жизни. У дяди он изучил столярное ремесло, став хорошим краснодеревщиком.

В Бежецк И.М.Костенко приехал в 1913 году в возрасте тридцати восьми лет. Здесь он работал в артели «Труд», на детской технической станции и в фабрично-заводской семилетке №2, вел кружок моделирования, а в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы он работал модельщиком на заводе АГО. За честный и самоотвер-

женный труд советское правительство наградило его медалью «За трудовую доблесть в Великой Отечественной войне».

Трудно забыть первого учителя. Часто вспоминаю его могучую фигуру с большим этюдником и табуреткой в руках, в неизменной украинской шапке. Его речь была красочна, пересыпана украинскими словами. Он очень часто рассказывал о раздольных полях своей родины, о белых хатах-мазанках, о пирамидальных тополях-великанах и о чудесных украинских песнях. Он пользовался большой любовью и уважением у бежечан.

18 февраля 1951 года Ивана Малахиевича не стало. Умер большой человек-труженик, интересный художник, горячо любящий жизнь. Он нес людям радость и знания. Был центром бежецкой художественной культуры, пропагандистом изобразительного

Автопортрет

Колонна завода ГАРО на первомайской демонстрации

искусства, воспитателем молодого поколения.

Нельзя забыть человека, так много сделавшего для людей. Было бы хорошо, если бы в городе Бежецке, где сорок лет творческого горения, самоотверженного труда оставил И.М.Костенко, организовать картинную галерею его имени. Принять все меры к сбору и изучению его творческого наследия. Восстановить могилу и поставить на ней памятник.

***Николай Алексеевич Родин,**
заслуженный художник Украины
28 июня 1971 года*

Михаил Иванович Кузнецов

Письма к жене Вере Сергеевне

В этом альманахе публикуются письма художника, музыканта, великого труженика, создателя Бежецкого оркестра русских народных инструментов, учителя и воспитателя многих бежецких музыкантов и художников, заслуженного работника культуры РСФСР Михаила Ивановича Кузнецова. Написаны они в пятидесятые годы прошлого столетия своей жене Вере Сергеевне, а предоставлены для публикации их дочерью Лидией Михайловной, окончившей музыкальный институт имени Гнесиных и всю непрерывную трудовую жизнь отработавшей домристой в оркестре Государственного академического русского народного хора имени Пятницкого. Письма человека, незаконно осужденного. Да, был период в жизни Михаила Ивановича, когда он испытал всю тяжесть унижения и оскорбления человеческого достоинства. Этот период с конца 1945 года длился четыре года. Период, когда он, незаконно арестованный, отбывал срок в исправительно-трудовой колонии по статье 58-10 ч. II УК РСФСР во времена сталинских репрессий по навету завистников. В 1962 году, в канун праздника великой Победы над фашистской Германией, из Москвы пришло извещение о реабилитации Михаила Ивановича.

А письма... письма шли пока от человека, еще носившего незаслуженное пятно в своей прекрасной биографии, но не сломанного режимом и сохранившего веру в торжество правды. Сколько любви, теплоты и доверия вмещают они в себя, сколько заботы и ответственности о близких ему людях выражает он, казалось бы, в обыкновенных письменных строках. А стиль! Он как будто бы разговаривает с Верой Сергеевной, находясь визави. А самое главное в том, что предназначались эти письма не для истории, а для любимой женщины, с которой он прожил долгие-долгие годы. Ах, если б так писало нынешнее поколение!

Здравствуй, дорогая Веруся!

Письмо твое получил, но задержался с ответом ввиду того, что, с одной стороны, ждал письма от Светогорова, а с другой стороны — от Виталика и Володи. Их я отправил 11-го в 24.05. Письма от Светогорова еще не получил. Фотографии все получил, заплатил 50р. Получились неплохо, посылаю тебе Лидочку.

Вскоре после твоего отъезда мне было запрещено давать, какую бы то ни было, работу в Доме культуры. Я после этого пошел к Шамшеву и спросил: «За что все эти репрессии?». Он мне ответил: «За то, что Вы работаете в церкви». Я его спросил: «Откуда такие

Детский оркестр под руководством М.И. Кузнецова.
Бежецк. 1959 год

данные?». Он мне сказал, что его известило об этом официальное лицо, фамилию которого не назвал. Я, говорит, доверчивый очень человек. Не буду описывать деталей разговора, только он извинился и при прощании сказал, что будем считать вопрос исчерпанным. Но все равно атмосфера в ДК просто отвратительная. Поступивший большой и выгодный заказ на 2500 рублей взялся делать Ю.И. Соколов, «потому что ему надо ехать на Кавказ». Мне пообещали какие-то вывески, но их нет.

По дому забот и хлопот очень много, везде приходится вмешиваться, верчусь как белка в колесе. На крыжовник напал червь, и я полдня потерял на собирание его. Обрезал усы клубники, первые крупные ягоды (штук десять) дал ребятам в дорогу, а вчера дал Лидочке, она с удовольствием скушала, а сегодня не хочет. Лидочка чувствует себя хорошо, вчера немножко была температура, а сегодня все в порядке. Мне монтер все-таки устроил круглосуточное пользование электроэнергией. Это встало в 120 руб. Сейчас подключили ток, и можно пользоваться, чем хочешь.

Вчера смотрел переводы в подполье, два перевода здорово изъедены червем. Натер краску, сегодня думаю красить их. Снял посудник, отчистил, проолифил, сегодня покрашу. Знакомый привез умывальник и бак для воды. Денег не взял ни копейки, я ему пообещал написать портрет. Ну, пока и все, Верусик. Целую тебя моя дорогая. Очень чувствую твое отсутствие.

12 июля 195... г.

Дорогая моя милая Верочка!

Письмо и посылку получили, спасибо за заботливость. Дрожжи уже начали дурно пахнуть. Поздравляю тебя с прошедшим днем рожденья. Желаю тебе исполнения заветных мечтаний, бодрости и спокойствия духа, стойко переносить невзгоды жизни, и научись высоко ценить то, чем владеешь и что имеешь. Умей довольствоваться малым. В этом огромная житейская мудрость, и кто это постигнет, получит в руки ключ к счастью.

Я тебе очень признателен и благодарен за высокую оценку моих качеств как мужа, отца и человека. Мне очень нравится в тебе умение больше в людях видеть хорошее, нежели плохое. Надо создать для ума и души благоприятные условия и тогда и то, и другое будет жить полнокровной жизнью. Надо стараться поменьше допускать в голову мрачных и дурных мыслей, чтобы не угнетать дух. Светлое и бодрое состояние духа — основная предпосылка для успеха в любых делах.

Милая Верусенька, мне так отрадно чувствовать, что я обладаю огромным капиталом, неиссякаемым источником глубокого удовлетворения физических и духовных чувств. Ты моя отрада и верный друг. Да ниспошлет тебе природа крепкое здоровье и благодать на душу.

Теперь ряд просьб к тебе. Если кто-либо поедет сюда, в частности, имею в виду Константина Михайловича, то пришли с ним следующее:

1. Неоконченный этюд (осенний), примерно две четверти длиной. Он наклеен на фанеру. Он был в комнате.

2. 1/3 часть бутылочки с лаком (дамарным) перелей в маленький пузырек. Мне надо покрыть натюрморт, написанный для детдома.

Ну, как будто все. Целую тебя крепко-крепко и желаю успеха в работе. Поцелуй Лидочку и передай привет твоей маме и Анне Дмитриевне. Любящий тебя Миша.

28/VIII-54 г.

Милая моя дорогая Веруся!

Приближается день твоих именин. В этот знакомый и памятный тебе день мне хочется подарить через это письмо столько ласки и душевной теплоты, чтобы тебе и без меня было в этот день отрадно жить и незримо чувствовать мое присутствие, мои объятия и

Всероссийский смотр художественной самодеятельности. Москва.

Кремлевский дворец съездов. 1965 г.

мои горячие поздравления с наилучшими пожеланиями на будущее. Жизнь нас с тобой соединила, а мы ее еще и свяжем крепкими узами любви, дружбы и привета. Хотя я и нахожусь вдали от тебя, однако чувствую, что ты здесь, со мной. В душе моей ты оставила такой след, что я готов благословлять твое имя каждый день; и да будь благословен тот день, когда с тобой мы встретились. Как радостно сознавать, что у меня есть друг, милый друг, с которым выпьем до дна всю нашу чашу жизни, и горечь из нее выпьем без ропота также до конца.

Солнышко мое! Ты освещаешь мне путь вперед, путь к творчеству с постижением самого себя, к раскрытию во мне всего лучшего, что дотоле лежало под тяжелым спудом судьбы. Теплота твоих ласк размягчает ту жесткость, которая у меня бывает.

Пусть мое душевное письмо будет крестным знаменем, которым я осеняю тебя в день твоего Ангела. Да хранит тебя провидение от всех зол и несчастий! Обнимаю, моя любимая, целую тебя и поздравляю. Твой верный друг, любящий тебя Миша.

27/IX-53 г.

Дорогая моя милая Веруся!

Ты прости за задержку письма: то были дни из рук вон плохие, и я просто готов был посылать проклятия ненастью, то теперь дни приличные, и я бегаю с одного места на другое — веду сразу три вещи. Устаю порядочно, да вдобавок ребята утомляют. С почтой не совсем удачно, и потому сегодня понесем письма в Еремково, или в Молдино. С рукою у меня никакого улучшения нет. В больницу не ходил, думаю, что будет большая проволочка. Если можно будет тебе или А.Д. сходить и записать меня на 29-е августа к невропатологу (бежецкой знаменитости), то это было бы отлично. У Виталика с ухом пока ничего страшного нет, и он сходит снова в поликлинику в Бежецке. Времени до нашего приезда так мало, что всякие подробности нашей жизни расскажу по приезде.

Ну, Верусик мой милый, с житейской прозой будто покончил. Твои проводы на этот раз были для меня еще грустнее. Всю дорогу мне казалось, что я или что-то потерял, или посещало состояние осиротелости, и, придя домой, я долго не мог заснуть от одиночества. Ты очень прочно вошла в мою душу, и мне трудно представить жизнь без тебя. В годовщину твоего рождения я приношу тебе самые чистые и светлые чувства и мысли. Я полон мечтаний о нашей гармоничной жизни, глубоко надеюсь, что твое отношение ко мне не будет

ухудшаться. Я с тобою счастлив, будь счастлива и ты. Желаю тебе хорошего здоровья и хорошего настроения, успехов в работе и труде. С приветом и самыми лучшими пожеланиями твоей Миша. Привет А.Д. Виталик спешит отнести в Молдино письмо.

Верочка! Мне очень тебя жаль, что ты так расстраиваешься об учебе. Этим ты себе лишь вредишь. Есть хорошая русская поговорка: «Чему быть, того не миновать». Ты делаешь все, что в твоих силах и возможностях, и это должно тебя успокаивать и держать в рабочем настроении. Не забегай мыслями вперед, особенно когда они мрачные, ибо этим ничего себе полезного не сделаешь, а, наоборот, лишь создашь подавленное настроение. Ты по натуре импульсивный человек и энергично реагируешь подчас на небольшие события и явления. Побольше стоического спокойствия. Между нами лад — это самое главное и самое важное, все остальное является второстепенным. Я временами думаю о своей теперешней жизни, целиком посвященной мелочному суетливому быту, и становится страшно, тем более, что годы-то уходят, но когда все сопоставишь, то видишь, что это необходимость, и пока от нее никуда не уйдешь. Сознание этого до некоторой степени успокаивает, и снова забываешься в бесконечных хлопотах. Надежда на лучшее будущее является если не самым счастьем, то наилучшей заменой его. Одним словом, желаю тебе плодотворных занятий, успокоенности и, сопутствия этому, здоровья. Будь здорова, моя дорогая! Наше счастье в наших руках. Целую тебя. Твой Миша.

Лидочка раза два всплакнула по тебе, а теперь успокоилась. Выглядит она хорошо, не кашляет.

27 июня

Дорогая и милая Верочка!

Письмо твое получили, за что спасибо. Твое отсутствие у нас очень чувствуется. Мне приходится раньше вставать и позже ложиться спать, а утором ходить будить их в сарай. Но ничего, не унываю, ко всему можно привыкнуть. Самое главное, что работа спорится, и работаю с прежним азартом. Начал картину, где позируют Виталик и Володя. Дело хлопотливое, приходится таскать большое полотно и мольберт в дополнение ко всему прочему. Ребята однажды меня напугали — ушли после обеда за грибами, да и не пришли до темноты. Я побежал на задворки посмотреть, не идут ли где фигурки, покричал, но никаких результатов не было.

Я решил, что заблудились. И вдруг Виталик бежит мне навстречу, так как сидящие на крыльце им сказали, что я пошел их искать. Грибов принесли сущие пустяки, говорят, что их нет, а на самом деле — или попали в плохой лес, или где-нибудь проболтались. Сегодня утро было очень туманное, и я решил с ребятами пройти до Гайновского озера, что находится за Молдинским озером. В общей сложности сделали марш километров в двадцать, и пришли все усталые, но путешествием остались очень довольны. И даже принесли грибов — зашли в маленький лесок и набрали порядочно подосиновых и других грибов. А главное — нашел очень много новых красивых мест, особенно около Полукарпова и деревни Цветково. Сейчас я очень расстроен сообщением Виталика, что у него с ушами опять неблагополучно, завтра хочет идти в поликлинику у Займищ. В этой связи я хочу тебя просить наладить нам посылочку и включить в нее лекарства Виталика, а именно: белого стрептоциду и капли для носа (последние находятся где-то в буфете). Из продуктов пришли пшена, гречневой крупы, риса и рожков. Ну, как будто и всё.

Верочка, ты очень мало написала о бежецких делах и своих. Вероятно, была у матери. Как ее здоровье и здоровье Кати и Вас. Серг., что нового в школе и т.д.? Когда я прихожу домой, то всегда ощущаю твое отсутствие — все чего-то не хватает и как-то пусто и грустно. Вот и вчера лег спать, и как-то на душе было пусто и одиноко. Видимо уже образовалась хорошая привычка быть вместе и чувствовать себя при этом спокойно и хорошо. Как ты себя чувствуешь (в смысле здоровья)? Прошу тебя еще раз: не отказывай себе ни в чем. У тебя есть продукты и деньги и, пожалуйста, не экономь за счет здоровья. Как дела в огороде и картошка в поле? Передай привет А.Д. и другим моим знакомым, кого увидишь. Приехали ли Переслегины? Ну, Веруся все. Пожелаю тебе доброго здоровья, хорошего настроения и успеха в делах. Обнимаю и целую тебя крепко-крепко. Твой Мишук, он же стозевное Мишище.

1/VIII-53 г.

Жизнеописание отшельника Михаила.

Восстав от одра к семи утра, сей муж начинает день хлопотами около печки, то бишь, лежанки, а того вернее — плиты. Хлопоты, как правило, увенчиваются успехами, сиречь вкусными блюдами. Вкусовые качества блюд столь велики, что взятого хлеба мне хватило на одиннадцать ден. Есть новые блюда — гибриды (например, помесь овощей с крупами) и редкостные блюда, как-то: брюква с приправами

25-летие оркестра Бежецкого Дома культуры.

В центре в первом ряду (в светлом плаще) М.И. Кузнецов. 1984 год

и некоторые другие, трудноописуемые. Трапеза происходит около 9ч. утра и с отягаченным чревом отшельник покидает свою обитель, смело вступая в единоборство с погодой и непогодами. Например, единожды, под проливным дождем, влекомый скукой по бруснике, потопал по грязям за нею. Каково же было разочарование, когда брусники почти не оказалось — собирал почти по одной штучке. Усердия было приложено множество, и с пятью стаканами я отбыл восвояси.

С первых же дней пришлось заняться и такими веселыми делами, как из леса таскать на себе срубленные вершинки. Хлопот, как у пчелы, полон рот. Работаю упорно над этюдами и картинами, невзирая на погоду. Правда, она столь плоха, что выругаться мало. Льет целыми днями. Возвращаюсь с работы часа в четыре в пятом. Начинаются вновь хлопоты у печки, и часов около шести вечера я вторично наполняю утробу наивкуснейшими блюдами. Заканчивается все игрою на гитаре и отходом к одру. Вот вкратце проза жизни временного отшельника Михаила. С приветом ко всем, Миша.

P.S. Думаю, дотяну до 9-го октября. Когда поеду, напишу письмо и попрошу меня встретить. Миша.

Дорогая моя Верусенька!

Доехали мы благополучно. От станции нас вез тот же старичок, что и в прошлый раз. Приехал встречать внучек и довез наши вещи за 25 руб. Остановились снова у Прасковьи Андреевны, которая содрала с нас 100 руб. и с трудом согласилась обеспечивать дровами — всяким ломом. Неприятная женщина. Такого же мнения и Александр Михайлович (Арсеньев. — Прим. ред.). Ну, ничего не поделаешь, решили пока остановиться. Приступили к работе с увлечением. Александру Михайловичу местность также очень понравилась. С продуктами — кое-что закупили в Молдине. Там 20-го числа были праздник и большое гулянье, навезли всего порядочно. В этом году вот уже второй человек привязывается к нам, требуя документы и даже разрешение на право писания с натуры. Сегодня меня почти допрашивал начальник заготскота Любимов, испортил мне настроение, а разговаривать пришлось в вежливых тонах, ибо у меня ведь с собою нет паспорта-то. Поэтому, Верочка, пришли мне его в ценном письме. Ал. Мих. говорит, что в ценном письме посылают.

Спим мы втроем на полу, все бока болят, то и дело приходится ворочаться. Завтра, возможно, набьем сеном матрацы — Василий Афанасьевич нам накосил травы, и как будто бы она уже высохла. Рыба клюет плохо, так что Володя даже кошку накормить не может. Сегодня мы с Володией набрали кружку земляники, и сейчас будем кушать ее с молоком. В общем, понемножку устроились и наладили жизнь. Володя и Ал. М. по утрам занимаются физзарядкой. Аппетит стал хороший, и чувствовать себя стали лучше.

Как вы поживаете? Как здоровье всех? Как Лидочка? Возможно, через недельку приеду за гитарой и тогда повидая вас всех. Ты, Веруся, запасайся побольше сил и здоровья, получше кушай, побольше отдыхай и побольше находишься на воздухе. Я частенько вспоминаю тебя и думаю, какая ты у меня хорошая и какой я счастливый с тобою. Ну, Веруся, пожелаю тебе всего доброго. Лидусю поцелуй за меня. Передай привет твоей маме и Анне Дм. Целую тебя крепко. Миша.

24/VI-54 г.

Дорогая моя Верынька!

Получила ли мое письмо, которое я написал через день после приезда? Ответа еще не получил и боюсь, вдруг не дошло. Вкратце повторяю, что с бабушкой, соседкой справа, договорился присмотреть за Лидочкой. Арсеньев (Александр Михайлович, бежецкий художник. — Прим. ред.) собирается уезжать 24-го, чтобы в воскресенье быть дома. Малина уже

есть, и мы вчера с Володей вечером набрали почти целый бидон, а сегодня я сварил в двух кастрюлях варенье, получилась полная небольшая кастрюля. Сахара будет маловато, если будет возможно, захвати килограммов 5–6. Мы тебя придем встречать с Володей, так что весь груз легко унесем. Появляются понемногу и грибы — маслята и краснушки. Погода стоит все время очень хорошая, жду тебя не дожидусь, считаю каждый денек, хочется, чтобы скорее наступил желанный день свиданья. Как чувствует себя Лидусик? Поди, все улыбается и благословляет жизнь, что для нее она так хороша. Я думаю, что и дальше, если она будет улыбаться жизни, так и жизнь ей будет улыбаться.

Ответ на это письмо вряд ли успеет прийти до твоего приезда, поэтому все новости и Бежецка, и нашей семьи расскажешь по приезде своими словами. Передай привет маме, А.Д. и поцелуй Лидыньку. Целую тебя и жду, жду. Любящий Миша.

21/VII-54 г.

Р.С. Чуть не забыл! Привези тару под варенье. Хорошо бы еще такой бидон или немного поменьше можешь купить. Одним словом, сообрази, что лучше. Может быть даже белой жести ведро, ведь оно нужно и в хозяйстве, да и везти варенье в нем удобно. Так что, пожалуйста, лучше всего купи ведро, и в него положишь и сахар, и другое, что возьмешь. Жду тебя, моя милая!

Здравствуй, дорогая моя Верочка!

Письмо твое получил. Очень рад, что эти дьявольские холода и сырость тебя не зацепили какой-либо хворью. Я все время чувствую себя неважно, из носа частенько появляется кровь. С экзаменами у вас какая-то неясность. Портрет т. Ленина я написал, только мне не очень-то нравится. Заготовил второй подрамник и загрунтовал холст. Думаю, на днях начну писать второй экземпляр и привезу оба. Занялся твоим книжным шкафом, решил сделать составным — нижняя часть будет с двумя дверками, а верхняя, наставная, будет со стеклами. Нижнюю часть почти всю связал, даже увлекся — ведь делаю все по своему разумению, и это доставляет большое удовольствие. Затем стол отструговал и покрасил. С Володей починили крышу над верандой, а сегодня покрасили рейки на ней. У Александры Ивановны у окна отвалилась часть подушки, так я ей решил помочь в горе — починю. Заготовил себе 8 штук подрамников для будущих работ. Жучков морим, и прочими прозаическими деяниями занимаемся. Володя ведет себя вполне хорошо, и пока что ни на что не могу пожаловаться. Из гостей вернулись целыми и невредимыми. Сегодня получили сразу три

письма: одно твое, другое от Володи Симонова и третье Володе от матери. Так что всем по письму, даже Лидочке открытка перепала. Первое время Лидочка страшно переживала твой отъезд и поминутно спрашивала: «А когда мама придет? А скоро она придет? Сегодня придет или 9-го?». Теперь поуспокоилась и реже вспоминает.

С деньгами у нас дела обстоят неважно. Я уплатил за электричество 42 руб., 135 р. за молоко и осталось триста руб. Неделью тому назад заезжал Герасимов с женищиной (секретарем парторганизации), договорились о 1750 руб., и он обещал послать машину за вещами и одновременно вручить мне чек, но вот более недели никто не едет, и не берут вещи.

Я тебе вышлю завтра двести рублей, если подберешь подходящие туфли, а если денег не хватит, то займи или у Хорькова, или у кого из учительниц. Я думаю, что до 15 июля приеду с портретами и тогда привезу. Если не уплатят, то займу у тети Саши.

Письмо позавчера не послал, а тут такие новости: вчера принесли мне чек на 1570 руб., и я пошел в Госбанк, но оказалось, что счетовод на чеке сделал исправление — написал «3-го июня» и исправил на «июля», а из-за этого его не допустили к оплате. Мне пришлось идти на телефон и просить выписать новый. Мне пообещали прислать его сегодня. Не знаю, пришлют или нет. Мне поручают покрыть лаком внутренности Воздвиженской церкви. Так что надо будет покупать лаку, красок и масла. Собираюсь выехать в понедельник или, самое крайнее, во вторник утром, чтобы успеть в этот же день показать портрет Ленина, и заодно привезу тебе денег. Вчера мне очень подвезло: какой-то шофер предложил купить два с лишним кубометра березовых дров, и я сторговал за 150 руб. Вчера же мы с Володей убрали их во двор. Я очень рад, ибо дровами мы обеспечены теперь на всю зиму. Целую тебя, моя дорогая. До скорого свидания. Миша.

**Редакция благодарит
Валентину Васильевну Колесниченко
за предоставленные материалы
и фотографии из личного архива**

Елена Григорьевна Кузьмина

«Мне книга — воздух для души»

*Пока под солнцем
крутится Земля,
Пока Россия
к мудрости стремится,
На свете будут жить
Учителя,
И ими будет Родина
гордиться!*

Я хорошо помню свою жизнь, начиная с двух лет. Детские воспоминания до сих пор волнуют мою душу. А кого они не волнуют?! Детство всегда накладывает на человека отпечаток чего-то веселого или грустного, но неизменно незабываемого.

Сейчас, с высоты своих лет, я даю оценку своей жизни, полной побед и поражений, сладких моментов и горьких эпизодов судьбы...

Но сегодня речь пойдет о светлой, сказочной поре моего отрочества – моих ученических годах в начальной школе № 2,

здание которой до сих пор стоит на улице Кашинской, и о первой моей учительнице Елене Григорьевне Кузьминой, о которой у меня сохранились самые теплые воспоминания.

В этой школе учились ребята, живущие в южной части Бежецка, в пос. Кирпичный и д. Семково. Прошло уже более полувека с тех пор, как я в теплый солнечный день впервые перешагнул порог ставшей для меня родной школы. Нас, вертлявых мальчиков и девочек, встретила Елена Григорьевна, провела в класс и рассадил за парты с откидными крышками. Мне досталась третья парта в среднем ряду. Отлично помню, как Елена Григорьевна назвала себя, объяснила, что

она будет учить нас грамоте, родной речи, арифметике, чистописанию, и познакомилась с нами по списку классного журнала.

Елена Григорьевна мне понравилась сразу: невысокого роста, симпатичная, с умным приветливым лицом.

И полетели дни учебы. Сначала Елена Григорьевна научила нас карандашом писать палочки, потом буквы, затем буквы мы стали складывать в слова, писать чернильными ручками со скрипучими перьями. Учиться было легко и интересно. Затем пошла арифметика, естествознание, чистописание.

Помню себя председателем совета отряда класса, затем председателем совета дружины школы. На сборах и линейках под звуки пионерского горна мы строились в вестибюле школы и мне отдавали рапорты председатели советов отрядов классов.

Я с малых лет, едва научившись говорить, имел хороший музыкальный слух и звонкий голос. На уроках пения мне часто приходилось солировать. А песни-то какие были хорошие! «У дороги чибис», «Взвейтесь кострами, синие ночи!», «Фуражечка»... Я их до сих пор помню и люблю!

А какие мы ставили спектакли и сценки, как водили хороводы у наряженной елки, читали стихи! Чудесная школьная пора! Сказка! Мне

Окончание начальной школы. 1958 год. В центре
Е.Г. Кузьмина, в первом ряду третий слева Гена Ершов

уже в зрелом возрасте всегда до боли в сердце хотелось опять пережить эти прекрасные мгновения...

И всегда с нами была наша учительница. Я не помню, чтобы Елена Григорьевна когда-то повысила на нас голос. И за это ее уважали и слушались. Всегда умела тонко и тактично выслушать нас, почемучек, и дать ответы на наши вопросы.

Помню, когда я учился в третьем классе, у Елены Григорьевны умерла мама – нам об этом сказала директор школы. Когда дня через три Елена Григорьевна пришла в класс, я заметил в ней перемену, которая отражалась на ее лице, особенно в глазах. Они были полны горя, скорби и печали. Тяжело ей давались уроки в первые дни после смерти родного человека – мамы. Иногда в середине урока она вдруг отходила к окну, незаметным, казалось бы, движением смахивала слезу с глаз. Она не хотела, чтобы мы видели эти слезы. Но мы видели, понимали и старались сидеть на уроках тихо, не докучали ей своими вопросами.

С этой поры я помню свою любимую первую учительницу с печальными глазами...

Несколько лет назад меня пригласили в родную школу на встречу с учителями. Я читал им свои стихи, а Елене Григорьевне подарил специально ей посвященное стихотворение. Встреча была незабываемой! В этот день я оказался в ауре детства. В моем воображении, как страницы книги, перелистывались дни учебы. Я был в своем классе, сел за третью парту в среднем ряду, и мне, как когда-то, захотелось поднять руку, чтобы ответить урок. Я настолько был взволнован, что пришел в себя только в учительской, где мы сидели с Еленой Григорьевной на мягком диване, пили кофе и рассматривали фотографии тех далеких лет, лет моего детства...

Всем, что есть во мне хорошего, я во многом обязан ей, своей первой учительнице! Она научила меня не только грамоте, но и пониманию добра и зла, трудолюбию и усидчивости, порядочности...

На всем протяжении своей жизни Елена Григорьевна была полна энергии, жизнелюбия, неизменно тактичная, выдержанная, интеллигентная.

Не должны мы забывать тех, кто дал нам путевку в жизнь, кто своим благородным трудом прививал нам, ребятишкам, любовь к Родине и ее природе, нашему Бежецку, русскому языку и интеллектуальному богатству народа!

Геннадий Ершов

Человек счастливой судьбы

Есть люди счастливой судьбы. Счастливой не в том смысле, что жизнь щедро рассыпала перед ними дары – бери и пользуйся. Напротив, путь этих людей кремнист и труден... Но идут вперед они, идут, потому что не могут не идти. Это их путь. Единственный, другого для них нет.

Так и Елена Григорьевна Кузьмина (урожденная Ревякина-Гебельт) шла по своему пути, дарованному судьбой. Бежецкая земля щедро одарила ее влюбленностью в учительскую профессию. Всю свою жизнь посвятившая школе, ученикам начальных классов, она для них, для их родителей, для коллег всегда была Учителем с большой буквы, наставником и другом.

Тихая, скромная, она всегда была для всех, кто ее знал, образцом интеллигентности, исключительной порядочности, уважительно относилась к людям. Очень болезненно переживала любые проявления грубости, лжи и несправедливости. В ней было и благородство, и женственность, и мудрость.

Елена Григорьевна родилась 15 января 1926 года в городе Весе-

Оздоровительная площадка. Бежецк. 1935 год.

Лёля Гебельт в первом ряду вторая справа

**Антонина Ивановна Ревякина
и Григорий Михайлович Гебельт**

Лёля Гебельт

гонске. Когда ей было шесть месяцев, семья переехала в Бежецк.

Большое влияние на воспитание маленькой Лёли оказывала бабушка по материнской линии Екатерина Васильевна Ревякина (урожденная Назарова) из семьи бежецких мещан. Мать и бабушка учили девочку хорошим манерам, приучали с детства к труду.

В июне 1941 года Елена Григорьевна закончила 7 классов Образцовой средней школы № 1 (ныне это СШ № 5 им. Л.Н. Гумилева), а с 8 по 10 класс училась в СШ № 2. Окончив в 1946 году Бежецкое педагогическое училище, была направлена учителем начальных классов в г. Калинин. Это были годы первых испытаний, первых открытий, первых побед. Через три года из-за болезни матери переводится в Бежецк, в начальную школу № 2, которая находилась в южной части города на улице Кашинской.

Работа учителя начальных классов сложна и многообразна. Сколько надо знать и уметь, чтобы найти подход к каждому маленькому человеку, сколько надо любви, чтобы научить его читать и писать, чтобы сделать личностью. Ради этого молодая учительница не позволяла себе стоять на месте, занималась самообразованием, всю себя отдавала работе, оставляя домашние заботы на втором плане. Ее всегда отличали ответственное и добросовестное отношение к работе, творчество, инициатива.

Елена Гебельт с матерью и бабушкой. 1939 год

Каждое утро, на протяжении 32 лет, Елена Григорьевна спешила в родную школу, чтобы встретиться со своими непоседами и сказать такие привычные и очень простые слова: «Здравствуйте, дети! Начинаем урок!...»

Уйдя на пенсию, Елена Григорьевна не прерывала связи с начальной школой: выходила на замену заболевшего учителя, приходила на встречу с ветеранами. Большую работу проводила по нравственному и военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Она была частым гостем и в СШ №2, №3, №5, детской библиотеке.

С 2000 года Елена Григорьевна стала писать рассказы о старине, о прошлом Бежецка и бежечанах. Отдельные рассказы печатались в газете «Бежецкая жизнь», а позднее все вошли в небольшую книжечку с названием «Бежецк – мой маленький город с названием неброским».

Неожиданно и нежданно 14 июня 2011 года Елены Григорьевны не стало...

*В.В. Соколенко,
бывший директор начальной школы №2*

Воспоминание о маме

Как жаль, что осознание самого ценного в жизни приходит к нам в момент его потери. Вот и я в 2011 году потерял самое ценное, что есть у человека – Маму. Маму с большой буквы – заботливую, внимательную, дарящую свое тепло, ограждающую от невзгод, умеющую заменить самого близкого друга. Она как будто пришла из позапрошлого века – полная доверчивость, невинность и наивность. Лицо ее всегда окаймляла добрая улыбка, а глаза просто светились любовью. В то же время она обладала настойчивым, твердым и упорным характером и старалась всегда добиться поставленной перед собой цели.

Расскажу один случай из ее жизни, свидетелем которого были мы, ее близкие, к которым она приехала в гости в Подмосковье.

Шел апрель 2009 года, стояла дождливая холодная погода. Мама, неспешно прогуливаясь с родственниками по территории Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря, увидела группу людей около купели и неожиданно для всех объявила, что тоже окунется. Все переглянулись и не приняли это всерьез. А она пошла и окунулась три раза! Кто-то из прихожан уточнил, что погружаться в воду нужно непременно с головой. Тогда мама без колебаний пошла и окунулась еще три раза, но уже с головой. У родственников побе-

Елена Гебельг вместе с родными. 1936 год

**Антонина Ивановна
Ревакина. 1925 год**

жали мурашки по коже, а она как ни в чем не бывало, с улыбкой о чем-то пошутила. Стоит заметить, что температура воды в купели в любое время года составляет всего 4 градуса, а маме между тем шел 84-й год. Вот это характер, можно сказать, настоящий, мужской!

Коснулось ее и тяжелое военное и послевоенное время, познала, что такое голод и холод, но всегда оставалась жизнерадостной, оптимистичной, преодолевая все трудности со светящейся улыбкой.

В детских воспоминаниях мама непременно предстает предо мной склонившейся вечером над тетрадями в свете старинной настольной лампы. Ученики для нее были как родные дети. Сколько любви она отдала им, скольким дала дорогу в жизнь! До сих пор ее ученики при встрече вспоминают о своем учителе с большой теплотой, благодарят за чуткость, внимательность, ответственность и отзывчивость, проявленные к ним в школьные годы.

Все-таки жизнь ее была счастливой, ведь в ответ за свою доброту она была окружена любовью близких, друзей, многочисленных учеников. Никогда не было в ее жизни врагов и завистников, и никому в жизни она не сделала зла. А это здорово!

Милая мама! Ты живешь и всегда будешь жить в наших сердцах!

Мама! Ты часть меня, а значит, ты продолжаешь жить на Земле!

***Евгений Кузьмин,**
младший сын Елены Григорьевны*

Виктор Николаевич Луговской

«Художник, поэт, учитель»

Свое детство в трудные военные и послевоенные годы Виктор Николаевич Луговской провел в детском доме города Чкалова (ныне Оренбург). Родителей он не помнил. По его детским воспоминаниям, папа был военным, а мама – медработником. После смерти бабушки Виктора отправили в приют. Как это нередко случается, жизненный путь мальчика уже с юных лет был определен встречей с Личностью. Такой личностью стал для Виктора ссыльный художник Владимир Максимов, его первый учитель и наставник. Не только

азы рисунка и живописи, но и основы мировосприятия впитывал маленький детдомовец в общении со своим педагогом. По его совету Виктор поступил в Чкаловское педагогическое училище, где в то время работал сосланный по печально известной 58-й статье живописец Селиванов, который также принял участие в формировании юноши как начинающего художника.

В 1955 году молодой выпускник педучилища идет служить на Балтийский флот, а еще спустя четыре года приезжает в Бежецк, город для него новый и незнакомый. Здесь он на всю оставшуюся жизнь влюбился в истинную, русскую волнующую природу Верхневолжья. Судьба бросала Виктора в разные концы страны: Северный Кавказ, Поволжье, Прибалтика, Дальний Восток, – но милый сердцу среднерусский городок всё время манил его назад, и Луговской всегда возвращался. Более 20 лет прожил и проработал в Бежецке. Преподавал в школе, затем больше 10 лет был директором интерната для детей-сирот. Он знал, что живопись и дети, стихи и проза – это его жизнь, его судьба.

Еще служа на флоте, сначала в Риге, а затем в Ленинграде, Виктор старался найти возможность заниматься любимым делом. В городе на Неве свои увольнительные он проводил в студии военной и батальной живописи им. Грекова, наблюдая за работой мастеров. Впоследствии многие из его картин украсили дома офицеров в Риге, Балтийске, Таллинне. Он пробовал себя в разных техниках: уголь, карандаш, тушь, но в результате остался верен классической – масло на холсте. Так же и с жанрами. Более 300 картин мастера смогли увидеть бежечане. Как и он сам когда-то, его работы преодолели тысячи километров и находятся сейчас в самых разных уголках России. К славе, известности Виктор Луговской никогда не стремился. Зато он с удовольствием приносил свои холсты в дар.

В конце 50-х годов флотская газета «Страж Балтики» начала публиковать первые заметки своего внештатного корреспондента Виктора Луговского. Возможно, это увлечение матроса и закончилось бы с армейской службой, но судьба опять подарила ему встречи с замечательными людьми. Позже, «на гражданке», Виктор познакомился с главным редактором популярной тогда в Калининской молодежной газеты «Смена» Дмитрием Званцевым и подающим

На персональной выставке в центральной библиотеке со своим товарищем по перу и кисти Ю.В. Сазоновым

надежды молодым поэтом Андреем Дементьевым. Они увлекли Луговского публицистикой и поэзией, дали почувствовать вкус литературного творчества. Художественное слово прочно заняло место в судьбе Виктора Луговского рядом с изобразительным искусством. Что ближе ему – поэзия или проза – Луговской сказать затруднялся. При нем всегда был карандаш и блокнот. Чем будут заполнены его странички после рыбалки или прогулки по лесу, встречи с друзьями или просто одинокими раздумьями, знает только его муза.

Почти 40 лет он отдал педагогической работе и за эти годы ни минуты не усомнился в выбранном пути. Историк по специальности, он преподавал еще и немецкий язык, освоенный им в детстве среди поволжских немцев, учительствовал в подмосковных и бежецких школах.

Вот уже не первый год Виктор Николаевич находился на пенсии, но дела своей жизни не оставлял. Дважды в неделю дети приходили в организованную им студию рисунка и живописи, которую посещали не только гимназисты, но и учащиеся других школ. По его словам, он не ставил целью сделать из ребят Репиных, а просто хотел научить их чувствовать и понимать прекрасное. Краски и кисти – одно из лучших средств для этого. В картинной галерее гимназии №1 есть экспозиция «Дорога к храму». В ней работы Виктора Николаевича, написанные по архивным фотографиям сохранившихся и, увы, уже утраченных храмов Бежецка и района. В учебных классах висят картины из цикла «Бежецк литературный». И все это для того, чтобы сохранить историю любимого края.

И на новшества в педагогическом процессе Виктор Николаевич смотрел не со стороны. В 2011 году он активно включился в работу по введению новых образовательных стандартов в начальной школе. Виктор Николаевич жил полной насыщенной жизнью. В свои 75 лет он не собирался уходить на покой, хотя здоровье стало подводить. И вот совсем недавно школа осталась без художника, поэта, учителя.

*Светлана Скрябина,
преподаватель гимназии №1 им. В.Я. Шишкова*

Любимый учитель

Сочинение учащихся гимназии № 1 им. В.Я. Шишкова Артема Суслова и Анастасии Мурзиной «Люди бежецкой земли: В.Н. Луговской – художник, поэт, учитель нашей школы» было представлено на региональном этапе конкурса школьных сочинений в г. Тверь, где было отмечено дипломом. Руководитель С.Б. Скрыбина.

Кто такой любимый учитель?

Тот, кто ставит тебе хорошие оценки? Нет. Тот, кто ведет твой любимый предмет? Не всегда. Тот, с кем тебе не хочется расставаться после уроков? Конечно!

Учитель, о котором мы хотим рассказать, именно такой.

Виктор Николаевич Луговской... Совсем недавно, 12 апреля 2012 года, он ушел из жизни... Вечная ему память!

Этот человек – настоящий мастер пера и кисти, с богатым жизненным опытом, которым он готов был щедро поделиться со всеми: и поклонниками его творчества, и учениками изостудии, которой он руководил более десяти лет.

Помню, как мы с моим одноклассником Артемом записались к

На уроке изобразительного искусства с юными дарованиями

Виктору Николаевичу Луговскому в студию несколько лет назад, когда еще были второклассниками. И нам сразу стало понятно, что нас будет обучать прекрасный художник, мастер своего дела.

У него удивительная судьба. Виктор Николаевич – сын военных лет, рос сиротой в детском доме. С самого детства он любил рисовать всё, что видел вокруг. В юности он закончил педагогическое училище, в котором преподавали замечательные педагоги, получил профессию учителя немецкого языка. Потом была служба в вооруженных силах, учеба в мореходном училище и на историческом факультете университета... А через много лет он переехал со своей супругой в ее родной город Бежецк, который считал своей второй родиной. Вплоть до заслуженного отдыха Виктор Николаевич возглавлял Бежецкую школу-интернат для детей-сирот.

Наш учитель уже не молодой, но и старым себя не считал. Он всегда был подтянут и бодр, ему было чем поделиться с нами. На его лице всегда великодушная улыбка, хотя можно догадаться, что он одинокий и не совсем здоровый человек. Но никогда мы от него не слышали ни жалоб на болезни, ни упреков на тяготы жизни. Он интересный рассказчик, мудрый советчик и вообще добрейшей души человек. К тому же он писал прекрасные стихи о жизни, о школе, о природе и человеке.

Авторы сочинения
Артем Суслов и Анастасия Мурзина

Сначала Виктор Николаевич давал нам легкие рисунки, но потом их сложность постепенно возрастала. Мы сперва рисовали простые натюрморты: это были разные геометрические фигуры. Затем мы пытались освоить сложные пейзажи. Мы мечтали научиться писать картины маслом, как наш учитель.

Иногда мы шутили с Виктором Николаевичем о том, что он – это наши будущие картины, а мы его эскизы, наброски. А может быть, это действительно так?

Так каким же должен быть любимый учитель? Душевным и человечным? Да! Порядочным и терпеливым? Хотелось бы! Творческим и мудрым? Несомненно! Но главное, это тот человек, который оставляет частичку своего сердца в детях, не жалея себя, своих сил и таланта.

Наш Виктор Николаевич обладал всеми этими качествами, и потому он для нас учитель, о котором будем помнить всегда.

Цветы и поздравления на открытии персональной выставки в библиотеке

Нина Павловна Николаевская

«Моя семья — это мои ученики»

Учительница математики Нина Павловна Николаевская родилась в Бежецке 24 февраля 1924 года в доме, в котором живет до сих пор. А дом этот, срубленный из бревен, поставленный на кирпичный цоколь и обшитый тесом на кованых гвоздях, — характерный для Бежецка пример деревянного здания, выстроенного в период эклектики, но сохраняющего традиционные черты позднего классицизма. С 1894 года он стал принадлежать бежецкому мещанину Василию Николаевичу Шамшеву, организатору городского добровольного пожарного общества, деду Нины Павловны. К сожалению, он рано ушел из жизни. Нина Павловна родилась значительно

позже. Но вот уже более века хранится в семье Николаевских соболезнование по случаю кончины Василия Николаевича, подписанное председателем Общества Ильей Акимовичем Петуховым. Заслуживает внимания тот факт, с какой скорбью и уважением к чужому горю оно написано.

Мама, Мария Васильевна, имела педагогическое образование. Представляю, как она читала маленькой Нине и ее брату Евгению детские рассказы и сказки, а отец, Павел Евгеньевич, по профессии бухгалтер, обучал их устному счету и простым задачкам. И мне думается, что такие занятия были не принудительные и очень интересные. Поэтому детство в этой интеллигентной и заботливой семье протекало тихо и спокойно. Учителей в роду Нины Павловны было много: Антонин Герасимович Кирсанов, его жена Клавдия Васильевна, Борис Васильевич Шамшев — один из первых организаторов в Бежецке комсомольской организации. Родился он в 1904 году в Бежецке, в 1919 году вступил в коммунистическую партию. С 1944 года преподавал политическую экономию. Был деканом кафедры экономических наук в Ульяновском педагогическом институте. Скончался 20 апреля 1962 года.

В школу Нина Павловна пошла в восемь лет. Первые четыре года училась по территориальной расположенности дома, то есть в базовой начальной школе №4, находившейся на Большой улице в здании ны-

**Василий Николаевич
Шамшев**

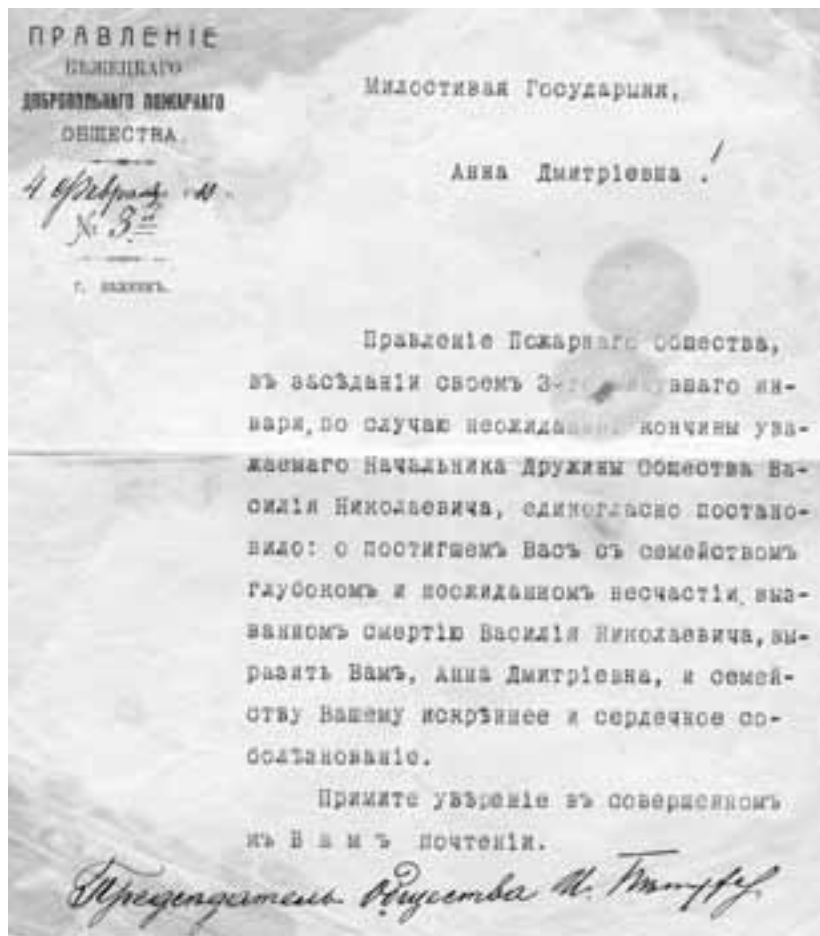
нешнего музея В.Я. Шишкова. Тогда не было пятибалльной системы, и знания учащихся оценивались словами: «плохо» (п), «удовлетворительно» (уд), «хорошо» (х), «очень хорошо» (ох). У Нины Павловны в свидетельстве об окончании начальной школы стоят одни «ох». По этому поводу она шутит: «Училась на «ох». Почетные похвальные листы за отличную учебу ей вручали после каждого года обучения. А в 1932 году школа наградила ее 12-листовой ученической тетрадкой в клеточку «за хорошую учебу и примерную дисциплину». Это говорит о том, что с ученическими принадлежностями тогда было настолько плохо, что и такой подарок был огромной радостью. Далее. «Николаевскую Нину Павловну – ученицу 2 группы школы №4 награждают почетным званием ударника, активно проявившего себя в борьбе за строительство политехнической школы, в борьбе за сознательную дисциплину и качество учебы. Групповод Полякова (тогда так называли учителей. – Прим. автора со слов Нины Павловны)».

**Анна Дмитриевна Шамшева с внуками: Евгением, Людмилой, Глебом,
Василием, Ниной, Борисом и Валентином**

Учеба в пятом классе началась в образцовой средней школе №1 на Новоконюшенной (ныне Школьной) улице. 17 октября 1936 года в бежецкой газете «Знамя коммуны» были опубликованы снимки отличников учебы школ города. Среди них и портрет Нины Павловны. И все последующие годы всегда заканчивались похвальными грамотами.

Война обрушилась на нашу страну, когда Нина Павловна окончила 9 классов и, как и все ученики, была на каникулах. 10-й класс выпал на военный 1941–1942 учебный год. Учились десятиклассники в первую смену,

Соболезнование, присланное Анне Дмитриевне Шамшевой председателем
Общества И.А. Петуховым. 1910 год

и, когда бомба 3 ноября 1941 года во второй половине дня попала в здание старшекласников, Нина Павловна была уже дома. В тот трагический день погибли две ученицы 6-го класса – Тося Махотина и Зоя Среднева. Рассказали об этом Нине Павловне пробегавшие мимо второсменники. Впечатление, естественно, было ужасающее.

После этой бомбежки предполагалось учиться в Богословской школе. Оттуда только-только выехал госпиталь. Вымыли полы, расставили столы и парты – здание подготовили к учебе, и... приезжает новый госпиталь. Так и не довелось там поучиться. Потом где только не учились или вообще не учились. В конце концов доучились в средней школе №2 на Красноармейской улице. Там Нина Павловна и получила аттестат зрелости. С отличием.

В 1942 году Нина Павловна поступила в педагогический институт в Ярославле. Почему в Ярославле? Ее мама тогда работала в госпитале, а в их доме жили медсестры. Им по каким-то делам нужно было ехать в Ярославль, и они уговорили Марию Васильевну, чтобы та отпустила Нину

Мария Васильевна

Семья Николаевских

с ними. Отпустила. В институт Нина Павловна поступила без экзаменов, поскольку, как было сказано выше, в аттестате зрелости по всем предметам было только «отлично». Жила у двоюродного брата. Бомбежки и в Ярославле тоже были, но, в отличие от бежецких, такие, что смотреть было страшно – земля была разворочена до неузнаваемости, поэтому учеба была прерывистой: вместо занятий на разбомбленных объектах часто разбирали завалы. В летние каникулы не было отдыха: работали на сплаве леса, грузили баржи, а в зимние – работали на лесозаготовках: возили тяжеленные кряжи до определенного места. Тогда и случилось искривление позвоночника (еле-еле привели домой). Долго лежала на лечении. С тех пор спина болит и ноги периодически отказывают. Кроме вышесказанного, в учебное время студенты были закреплены за госпиталями и после лекций сначала шли к раненым, а потом уже домой учить домашние задания. Нина Павловна сначала была определена в «простую» палату, а затем в «гипсовую», где приходилось накладывать и снимать гипс. Так что пришлось хватить военного лиха.

После окончания института Нине Павловне предложили поступить в аспирантуру, потому что диплом был «с отличием». Это был 1946 г., первый послевоенный. Родители лежали больные, дома пусто, и Нина Павловна отказалась от дальнейшего обучения. Тогда дали направление в Калининскую область, но не в Бежецк.

Педагогический коллектив и учащиеся СШ № 4. 1948 год

Когда Нина Павловна приехала в Бежецк, она случайно встретилась с Борисом Ивановичем Белобородовым. Разговорились. Узнав, что ее распределили в область, он сказал: «Никуда не поедешь, будешь работать здесь». На другой день ей сообщили, что всё улажено и она будет работать в четвертой средней школе, которая тогда располагалась в здании рядом с храмом Иоанна Богослова. В 1955 году школу перевели на Гражданскую улицу (ныне Чудова) в здание педучилища, располагавшееся в бывшей женской гимназии, – в вышеупомянутом году училище переехало в Торжок.

На первом году работы Нине Павловне дали 8-й и 9-й классы математику, 6-й – физику, а вечерней школе 10-й – математику. Довелось один год преподавать и в Бежецком машиностроительном техникуме, когда он располагался в Богословской школе (1955–1956 учебный год). В дальнейшем вела только математику у старшеклассников. В классах в разное время было по 40 – 46 учеников, с годами количество учащихся снизилось до 20 – 25. Представьте себе, сколько бежечан прошло через ее предмет!

Нина Павловна вспоминает: «Когда пришла после института в школу, все преподаватели были уже в солидном возрасте, старой закалки, уверенные в себе. Были и такие, которые в свое время учились, а потом учили в женской гимназии, например, Анна Арсеньевна Присёлкова, Клавдия Николаевна Крупицына, директор школы Ольга Алексеевна Шамшева. Потом директором стала Мария Павловна Самойлова, а

Педагогический коллектив и учащиеся СШ № 4. 1949 год

когда она уехала – Николай Кузьмич Голычев. Он приехал в Бежецк после фронта, стал преподавать химию и первое время жил в каморке под лестницей. Фронтовиками были Борис Иванович Белобородов и Алексей Михайлович Мишин. Уже работала учительница математики Антонина Васильевна Чигирина. После меня на следующий год пришла Дина Львовна Соловьева (русский язык и литература), потом Серафима Федоровна Арсеньева (тоже русист), Муза Сергеевна Булавкина (география), Александра Терентьевна Кузнецова (немецкий язык) и другие. Война год как закончилась, надеть было нечего. Я носила темное платье и белый воротничок. Это так вошло в привычку, что проходила в такой одежде всю свою учительскую жизнь. И до сих пор храню ее».

Из своих учеников Нина Павловна никого особенно не выделяла. Были сильные. Они ходили в ведомый ею математический кружок, участвовали в математических олимпиадах. Не журила нерадивых. Помню такой случай, когда один из таких повел себя шумно. Нина Павловна почти шепотом только и сказала: «Сла-а-ва». И он затих до конца урока. Выпускники говорили так: «От того у Вас на уроке дисциплина была хорошая, что Вы никогда не повышали голос».

33 года Нина Павловна проработала в СШ №4, преподавая математику. Оттуда ушла и на пенсию. Почетных грамот и благодарственных писем за время работы в школе в архиве Нины Павловны скопилось настолько много, что нет смысла их перечислять. Но жизнь сложилась так, что теперь живет одна. «Моя семья – это мои ученики, а они не забывают меня», – сказала она. Лишь однажды в ее словах пробежала досада. На 105-летие школы ее не позвали. «Просто забыли, наверно, подумали, что уже нет в живых», – тихо заметила Нина Павловна.

К своей любимой учительнице приходят не только выпускники последних лет, но и те, кто окончил школу и 30, 50 и более лет назад. У нее много последователей, которые тоже преподают в школах нашего города и отзываются о ней как об умном, добром и терпеливом человеке, прекрасном профессионале. Сильный математик, Нина Павловна давала такие прочные знания, что даже «троечники» сдавали математику в выбранные ими учебные заведения не менее чем на четыре балла.

Нине Павловне давно уже за 80. Ей трудно стало справляться с домашней работой в неблагоустроенном доме: купить дрова, принести их, затопить печь, принести воды, поэтому к ней часто заходят работники соцзащиты, двоюродная племянница с мужем, которыми она очень довольна. Они помогают во всем необходимом и таким образом скрашивают будничные дни и праздничные.

Валентина Колесниченко

Дина Львовна Соловьёва

Дина Львовна Соловьёва (урождённая Шульман) родилась в 1925 году в городе Мозырь Гомельской области. В 1947 году с отличием окончила Рязанский государственный педагогический институт и по распределению приехала в Бежецк преподавать русский язык и литературу в четвертой средней школе, которая тогда находилась в здании рядом с храмом Иоанна Богослова. В свой предмет она была влюблена до бесконечности и никогда не жалела о выбранном пути. Воспоминания моего детства – это горы тетрадок, которые всегда были проверены к сроку. Порой и за полночь приходилось сидеть – обязательная подготовка к урокам, несмотря на огромный опыт и стаж работы и умение вести эти занятия «от и до». Когда я училась в старших классах, то уже могла ей помогать.

Я тоже училась в СШ №4. Мои близкие подруги учились у мамы (она была у них классным руководителем), поэтому всегда была в курсе всех событий нашей школы. Помню, что отличительной чертой мамы было очень спокойное отношение к ученикам и учителям. Она никогда не повышала голоса, всегда терпеливо отстаивала свою точку зрения, объясняла непонятное ребятам, за что они, безусловно, ее очень уважали. Кроме основных уроков постоянно занималась с ребятами русским языком и литературой дополнительно – готовила их к поступлению в вузы. Репетиторство не оставила и после выхода на пенсию. Помню, что она много читала художественной литературы, всегда выписывала уйму специальной литературы, пособий и журналов по своему предмету. Из любимых художественных журналов был «Огонек», из любимого занятия – разгадывание кроссвордов, из любимых увлечений – долгое время вела драматический кружок, пела в ансамбле учителей, писала стихи.

Могу с уверенностью сказать, что своей грамотностью и грамотностью своих детей я обязана маме: каждое лето внуки приезжали

Рязань. IV курс литфака
РГПИ. 1947 год

к ней в гости, и она занималась с ними, учила писать сочинения. Старшая моя дочь журналистка, младшая закончила филологический факультет в Петрозаводском педагогическом институте.

Мама очень любила принимать гостей дома. Когда приходили учителя, родственники, друзья семьи, она пекла свой фирменный торт «Прага», печенье, угощала клубничным вареньем, сваренным ею. На всю жизнь запомнилось их задушевное пение, особенно «Подмосковные вечера». Все вместе мы играли в домино, лото. Летом мама обожала заниматься выращиванием цветов. Каких только у нее их не было! Пионы, гладиолусы, тюльпаны,

георгины, астры, причем старалась разводить элитные сорта.

Мама проработала в школе 40 лет. Когда я с семьей приехала в Карелию по распределению, мама ежегодно приезжала к нам в гости, очень полюбила этот край, завещала похоронить ее среди сосен, что и случилось в феврале 1995 года.

Вера Юрьевна Грибовская,
дочь Дины Львовны

Только человек, влюбленный в свою профессию, может передать эту любовь другим. Любовь к русскому языку, его красоте, напевности, богатству передавала нам Дина Львовна на каждом уроке. Вот самые яркие и трогательные воспоминания из моей школьной жизни.

Иван Тургенев, белые стихи: «Как хороши, как свежи были розы...» Мы сидим замороженные чарующим голосом Дины Львовны. Она в этот миг смогла достучаться до наших еще таких незрелых душ и словно по волшебству открыла двери в прекрасный мир классической русской литературы. Уже после окончания школы слышу эти стихи в исполнении Майи Кристалинской и вдруг ловлю себя на мысли, что Дина Львовна их читала гораздо пронзительнее, задушевнее.

Еще один урок. На этот раз Константин Симонов. Стихи о войне: «Жди меня». Неожиданно голос Дины Львовны срывается, на глазах появляются слезы. Она выходит из класса. Спустя несколько минут возвращается и просит у нас прощения за прервавшийся урок. А потом мы слышим: «Почти все мальчики из моего класса погибли на фронте».

Вот тут стало понятно, что сейчас мы слышали не просто талантливые строки – нам открылась трагедия военных лет, а боль утрат уже не казалась чем-то абстрактным, далеким, а была рядом с нами в светлом, уютном классе.

А главы из романа «Война и мир»! Как они были прочитаны Диной Львовной! Благодаря своему артистическому таланту, Дина Львовна превращала прочтение пьес в увлекательный спектакль. Мы «входили» в роли, и даже после окончания урока чувствовали себя артистами. Ох уж это «Горе от ума» в исполнении 6-го 1-го класса!

Школьные спектакли – отдельная тема. Мы с удивлением следили за преображением нашего «худрука». Сейчас Дина Львовна – важный чиновник, через секунду – сварливая хитрющая старуха из чеховского «Юбилея». А вот она – подвыпивший гость на свадьбе из «Клопа» Маяковского. А сейчас – фонвизинский недоросль.

Помню встречи с Диной Львовной и после окончания школы. Передо мной уже не строгий, принципиальный педагог, а милая женщина, которая делится рецептом приготовления вкусной коврижки и дарит на память трогательную вышивку.

Моя благодарность учителям с годами всё возрастает, а Дину Львовну считаю одним из прекраснейших подарков судьбы. Низкий поклон вам, Дина Львовна!

Лариса Алексеевна Абагихина (Обухова)

*Мой добрый наставник, учитель и друг!
Пред памятью светлой я низко склоняюсь.
Как больно по сердцу ударило вдруг.
Я горькие слезы бессильно роняю.
В достойном отряде достойных людей.
Вы жизнь как прекрасную песню сложили.
О, сколько прекрасных высоких идей
Вы в головы детские словом вложили.
За всё, чего в жизни достигла теперь,
Я школе четвертой моей благодарна.
Но Вы мне открыли в поэзию дверь.
Мне этой дорогой идти неустанно.
Пред памятью светлой со скорбью склонюсь
Едины со мной те, кого Вы учили.
И в этом печальном и строгом строю
Мы помним: Вы жить и любить нас учили!*

Школа. Школьные годы... в жизни каждого человека – это целая эпоха, особая, со своими маленькими радостями и горестями, и у каждого свои воспоминания. Летят годы, чем дальше, тем быстрее, а воспоминания остаются – и радости, и ликующее счастье, и замечательные счастливые минуты детства. Был в моей школьной жизни уникальный человек – педагог, учитель и, можно сказать, воспитатель Дина Львовна Соловьева. Благодаря этой замечательной учительнице, преподавателю русского языка и литературы СШ №4, у многих из нас, ее учеников, не было большой проблемы после ее уроков, как блестяще написать сочинение, подготовить лекцию, беседу, выступление, статью в газету, дать интервью корреспонденту или тележурналисту. Она научила нас всему этому. На ее уроках мы спорили о героях произведений, доказывали свое мнение, удивлялись и восхищались, погружаясь в бескрайний океан русской литературы.

У Дины Львовны в замечательном коллективе СШ №4 было свое, особое, место. О том, как она талантлива, мы узнали в пятом классе в 1970 году. Русский язык и литература сразу же стали моими любимыми предметами. Я вдохновенно внимала ей не только

Педагогический коллектив СШ № 4. 1948 год

тогда, когда она, как настоящий артист со сцены театра, читала нам отрывки из художественных произведений, декламировала стихи, рассказывала о писателях и поэтах, о книгах, которые мы должны были прочесть. Мы внимали ей восторженно и тогда, когда речь ее, плавная и напевная, шла о каких-то правилах русского языка. Что удивительно, я не помню правил – лишь какие-то особенно запоминающиеся подсказки вдруг внезапно яркими строчками возникают в памяти, но то, что называется врожденной грамотностью, безошибочность с юных лет – это ее волшебный подарок нам, ее ученикам на всю последующую жизнь.

В наше время стало нередкостью такое выражение: «Как слышим, так и пишем». И это чудовищно режет слух. Мы на уроках русского языка и литературы под руководством Дины Львовны так отшлифовали свой язык, что любому ее ученику, даже не очень старательному (а были у нее и такие), в последующем не составляло труда что-либо сочинить и грамотно написать.

Мысленно возвращаясь в те школьные годы, я особенно отчетливо понимаю, какой вдохновенный труд, какие душевные силы дарила нам на своих уроках Дина Львовна. Она учила нас не бояться выступать перед классом, перед всей школой. Были занятия факультативные, сверх программы, и мы, как настоящие артисты, читали стихи, декламировали, выступали со сцены, ставили замечательные литературно-музыкальные композиции, и она так вдохновенно читала стихи и прозу, что казалось – перед нами актриса. И мы старались ей подражать.

Я очень благодарна Дине Львовне за то, что она была в моей жизни – интеллигентная, умная, грамотная, артистичная, с неповторимым каллиграфическим почерком и особенной манерой ведения урока. Все эти годы я храню в памяти бесценный дар, данный мне судьбой.

Светлана Николаевна Гусева (Степанова)

Дина Львовна Шульман пришла в СШ №4 в 1947 году. Жить было негде, поэтому ей дали небольшую комнатку в школе наверху. Спустя какое-то время она получила жилплощадь в учительском доме на Красной площади, а потом комнату побольше на Большой улице в одноэтажном доме №28. Из этой комнаты она вышла замуж за моего ученика Юрия Александровича Со-

ловьева и переехала к нему в двухэтажный дом на Остречинскую улицу. В его владении тогда была половина низа. Жили они там относительно долго и скопили на благоустроенную кооперативную квартиру. Переехали. В этой квартире Дина Львовна тяжело заболела. Вызвали дочь Веру из Карелии. Когда надо было собирать Дину Львовну в дорогу, Вере стало плохо. Я одела свою коллегу и под руки проводила к машине. Юрий Александрович ко мне относился очень хорошо. Незадолго до своей смерти он успел сделать мне новые ворота.

В то время, когда Соловьевы жили на Остречинской улице, у них квартировала Валентина Тимофеевна Середа. Отсюда она вышла замуж за В.Г. Вихрева, но, несмотря на это, с Соловьевыми у нее сохранились очень хорошие отношения, и когда Дину Львовну увезли, то, поскольку у Юрия Александровича в Бежецке родных не было, Валентина Тимофеевна опекала его до самой смерти и похоронила его.

Нина Павловна Николаевская

Сергей Васильевич Фатчихин

Тренер с большой буквы

2009 год для бежечан-теннисистов был ознаменован двумя памятными датами: 100 лет назад, 6 июля 1909 года, родился будущий тренер по настольному теннису Сергей Васильевич Фатчихин и 15 лет назад, 1 апреля 1994 года, его не стало.

Сергей Васильевич Фатчихин родился 6 июля 1909 года в Бежецке. Его родители Василий Иванович и Ульяна Мироновна были купцами, занимались торговлей, имея магазины в бывшем тугариновском доме № 50/25 на Большой улице. Они вели добропорядочный образ жизни и детей приучили к этому. После революции советская власть конфисковала дом, а им оставила небольшой флигель на углу Благовещенского (ныне Чернышевского) переуллка и Введенской улицы, где родились и выросли четверо детей Сергея Васильевича: Валентин, Маргарита, Николай и Евгений. Дети подарили ему четырех внуков и двух внучек. Сыновья серьезно занимались спортом и стали кандидатами в мастера спорта по волейболу, баскетболу и настольному теннису. Когда они были еще подростками, Сергей Васильевич соорудил у себя во дворе теннисный стол из досок, чтобы дети не бегали просто так по улице, а занимались на свежем воздухе полезным делом.

Рос Сережа активным ребенком: бегал по пустырям, гонял мяч с ребятами, играл в лапту. Зимой на Мологе катался на лыжах и коньках. Во время учебы в гимназии занимался легкой атлетикой, волейболом, играл в шашки и шахматы. В 1930 году Сергей устроился на завод ГАРО (ныне завод «Автоспецоборудование»). Работал и продолжал заниматься спортом: играл в заводской команде «Спартак». В это же время увлекся и настольным теннисом.

11 сентября 1939 года Указом Верховного Совета СССР Сер-

гей Васильевич был призван в РККА на войну с белофиннами. В конце 1940 года его демобилизовали. Но не прошло и года, как началась Великая Отечественная война. На третий день, 23 июня, Сергей Васильевич снова надел военную форму и не снимал ее до 18 января 1946 года, когда после участия в конфликте с Японией вернулся к мирному труду.

Сергей Васильевич участвовал в боях за освобождение Ленинграда, Пскова, Новгорода, Белоруссии. За стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, а также медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», «За победу над Японией» и другими, а в мирное время, естественно, юбилейными. О войне не рассказывал даже родственникам, потому что, исходя документов, служил в секретных войсках.

После окончания войны Сергей Васильевич снова устроился на завод, на котором работал до мобилизации, и стал руководить

Справа в первом ряду сидит Сережа Фатчихин. 1918 год

комитетом по физкультуре и спорту. В это время заводские волейболисты, баскетболисты, футболисты, хоккеисты, команды по настольному теннису успешно выступали на соревнованиях различных уровней. Его юные теннисисты показывали высокие результаты, выполняя нормативы 1 разряда и кандидата в мастера спорта. Он организовывал товарищеские встречи в Ленинграде, Ярославле, Рыбинске, Москве. Трудно подсчитать, сколько лет Сергей Васильевич отдал тренерской работе, обучая мальчишек и девочек настольному теннису, поскольку он очень любил этот вид спорта, и свой талант теннисиста отдавал ученикам без остатка.

Некоторое время теннисная секция размещалась в подвале городского Дома культуры, где стояло четыре стола. Затем для нее было предоставлено помещение в Доме пионеров и школьников (ныне Дом детства и юношества). Команды Сергея Васильевича

Бежецкие купцы.

2-й слева стоит Василий Иванович Фатчихин

добивались наилучших результатов в областных соревнованиях и практически не проиграли ни одного крупного турнира.

Сотни юных бежечан благодаря Сергею Васильевичу овладели искусством игры в настольный теннис, добиваясь различных результатов. Сегодня они уже взрослые отцы и матери, но до сих пор вспоминают добрым словом своего тренера и наставника. Вспоминаю с большой теплотой и я. Мне было уже за 30, когда он буквально заставил прийти в его секцию и стал «гонять», как говорится, до седьмого пота. В дальнейшем такая «муштра» помогла мне в трудный период моей жизни. В этот же период он приносил мне витамины – овощи и фрукты со своего огорода. А зимой в морозные дни настоятельно советовал заворачиваться в шарф по самые глаза. Это говорит о том, что о здоровье своих подшефных он заботился не меньше, чем о достижении высоких результатов в спорте. Сергей Васильевич пользовался непререкаемым авторитетом и уважением не только у детворы и их родителей, но и у руководителей различных уровней. У него занимался в свое время первый секретарь Бежецкого горкома КПСС Ю.М. Краснов, в настоящее время работающий в Твери.

Многие воспитанники Сергея Васильевича закончили высшие

Сергей Васильевич с молодыми теннисистами

и средние учебные заведения, военные училища, стали руководителями, учителями, рабочими. Он учил своих подопечных не только премудростям настольного тенниса, но и воспитывал их в духе истинного патриотизма, прививал любовь к родному городу, приучал к порядку, доброте и честности. Настоящий спорт, по его словам, немыслим без этих качеств.

Среди его лучших воспитанников братья О. и Н. Егоровы, А. Алексеев, А. Голубев, Е. Дмитриева, А. Жегалин, В. Иванов, Д. Кривчик, А. Кузьмин, С. Кукушкин, Е. Лебедев, В. Рубилов, Ю. Сорокин, В. Телегин, В. Шарков и другие.

Сергею Васильевичу было за 80, когда он заболел. Тренерскую работу пришлось оставить и уйти на заслуженный отдых. 1 апреля 1994 года его не стало. В связи с этим довольно длительный период ярких, захватывающих соревнований по настольному теннису в Бежецке практически не проводилось, но в День города 2009 года спорткомитет Бежецка организовал открытый турнир и посвятил его 100-летию со дня рождения Сергея Васильевича. С того года стало традицией проводить соревнования по настольному теннису в праздничные дни. Это и есть, на мой взгляд, та дань памяти Сергею Васильевичу Фатчихину, которая позволяет не кануть в Лету его имени и которая дала продолжение начатому им благородному делу.

Валентина Колесниченко

Вениамин Иосифович Флейшман

Скрипка Флейшмана

20 июля 2013 года исполняется 100 лет со дня рождения Вениамина Флейшмана, 14 сентября будет 72 года со дня его безвременной гибели. Флейшман был студентом Ленинградской консерватории, любимым учеником Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, автором единственной сохранившейся оперы по рассказу Антона Павловича Чехова «Скрипка Ротшильда». Он родился и вырос в нашем городе, погиб в ополчении под Ленинградом. Мой рассказ о жизни, творчестве и гибели замечательного бежечанина.

1911 году из Вильно в Бежецк переезжает семья зубного врача Иосифа Ароновича Флейшмана с женой Рахилью Моисеевной Пресс-Флейшман и двумя детьми: пятилетним Исаем и годовалой Диной. В начале 20 века Вильно (современная столица Литвы – Вильнюс) стал центром возрождения литовской нации. История умалчивает о том, что же заставило успешного молодого врача перебраться из Вильно в Тверскую губернию. Возможно, причина переезда была в перенаселенности Вильно и растущей в городе безработице. Не менее вероятно, что переезд был обусловлен революционной деятельностью – и сам Иосиф Аронович, и его жена Рахиль Моисеевна были профессиональными революционерами. Известно, что Рахиль Флейшман была соратницей Феликса Дзержинского, в 1914 году подвергалась аресту за участие в организации подпольной типографии и была заключена в печально известный 10-й павильон Варшавской Александровской цитадели. Сохранились письмо жены Дзержинского, адресованное Рахили Моисеевне, справка из Архива Октябрьской революции и тоненькая тетрадочка стихов молодой революционерки. Под каждым стихотворением – точное указание, когда и где оно возникло: «Унывающему соседу по камере. 1904 год, в варшавской цитадели, 10 павильон, 10 камера».

В настоящее время в 10-м павильоне цитадели располагается отдел Музея независимости Польши. Семья могла перебраться в Бежецк, опасаясь преследований полиции. Тем более, у этого городка была замечательная репутация: он был тихий, спокойный, здесь не было проблем с продуктами. К началу 20 века город Бежецк переживал время своего небывалого подъёма. Помимо этого, в Бежецке практически не проявлялся антисемитизм: в 1874 год в городе был учрежден еврейский молитвенный дом; в отличие от большинства российских городов, тут никогда не было ни одного еврейского погрома.

Как бы то ни было, в 1911 году семья Флейшманов перебирается из Вильно в Бежецк и снимает квартиру на втором этаже дома Сокольской. Этот двухэтажный дом 14/27 на углу Большой улицы и переулка имени Андреева известен многим бежечанам. Сейчас в нем располагается куптурно-деловой центр «Домъ Иванова».

Купчиха Ульяна Афанасьевна Сокольская владела баней на Введенской улице, пекарней, на первом этаже её дома был ресторан с пивной, а комнаты второго этажа сдавались внаём. Тут и поселились Флейшманы. Прожили они в этом доме десять лет – с 1911 до 1921 года. В этом доме родились дети: в 1913 году Вениамин, в 1916 – Моисей. Был ещё один ребенок, дочь Ниночка, но она заболела и умерла в возрасте трех лет.

Иосиф Аронович Флейшман работал стоматологом в поликлинике, Рахиль Моисеевна работала преподавателем географии и истории в школах города. Так потихоньку семья зарабатывала денег на строительство своего дома, который они построили в 1921 году. Этот небольшой бревенчатый дом №52 на углу Большой улицы и переулка им. Чернышевского сохранился по сей день.

Младший сын Илья, шестой ребенок в семье, родился уже в этом доме в 1923 году.

Семья Флейшманов по местным меркам была высокообразованной. Дома стояли книги Мольера, Ростана, Льва Толстого, Майкова, Фета, Пушкина, Жуковского. За другими книгами дети ходили в библиотеку, которая находилась в доме №61, где сейчас расположен Музей В.В. Андреева.

Дети вечерами играли в шахматы, слушали музыку у приемника с одним наушником. Была в доме и самая ценная вещь – пианино. Всех детей учили музыке. В 1921 году, в город Бежецк приезжает известная поэтесса, мемуарист, критик и переводчик Надежда Павлович.

В переписке с бежецким краеведом Борисом Тарасовым Дина Флейшман в письме от 7 февраля 1985 года сообщает об этом событии:

«Есть ещё хорошая статья Надежды Павлович в журнале «Прометей» об Ахматовой и Блоке. Там Н.П. пишет о посещении Бежецка и приводит воспоминания крестьянок об Ахматовой.

Остановилась Павлович у нас, помню, она отдыхала на кушетке. Она потом вспоминала, что за чтение стихов ей дали продукты (1921 год?).

Потом мама ездила в Москву и повезла огромный кувшин сметаны. Велемир Хлебников подарил маме книжечку стихов и надписал:

*За доброхотое даянье
Чем отдарить я Вас могу?
Мой дар не стоит ни вниманья,
Ни даже этого названья,
Ни уж, подавно, творогу!*

У меня не хватило ума увезти эту книжечку из Бежецка, простить себе не могу, и дети ругают и правильно делают».

Павлович приезжала в мае 1921 года, в этом же году Флейшманы достроили свой дом и переехали в него. К сожалению, уточнить, в каком доме – Сокольской (№14) или уже в собственном доме Флейшманов (№52) по Большой улице она останавливалась, уточнить не удалось.

В середине 20-х годов в учительском Красном уголке в подвальном помещении начальной школы (дом №63 по той же Большой улице, бывшее уездное городское училище, в настоящее время здесь расположен Музей Шишкова) возникает музыкальный ансамбль. Здесь на равных играли участники ансамбля: и школьники, и рабочие, и преподаватели, и даже приехавший в Бежецк судья. Местные остроусловы

Бывший дом Ульяны Афанасьевны Сокольской.
Большая улица, 14

тут же называли ансамбль «Персимфансом» – Первым симфоническим ансамблем, так название и закрепилось. Хотя ансамбль, разумеется, был совсем не «симфоническим» в полном значении этого слова. Руководил ансамблем учитель химии Владимир Михайлович Переслегин, представитель замечательной династии педагогов Переслегиных. Бывшее педагогическое училище с 2011 года переименовано в колледж имени Александра Михайловича Переслегина – родного брата Владимира Михайловича, учителя и друга Льва Николаевича Гумилева. В этом ансамбле участвовали Дина и Вениамин Флейшман, Веня играл на альте, Дина аккомпанировала на фортепиано.

Логично предположить, что обучил играть на скрипке и указал путь Вениамину Флейшману в музыку Владимир Переслегин. Нисколько не умаляя роли Владимира Переслегина в формировании Вениамина, Дина Флейшман в письме Тарасову возражает этому мнению: «Кто был учителем Вени. Это был Смирнов Николай Иванович. Он играл в пивной, в ресторанчике у Сокольской с баяном (кажется, играл Сорогожский); у него был хороший репертуар: из «Ивана Сусанина» – танцы; «Чардаш» Монти. А мы с Веней сидели на крылечке у Сокольских и слушали. Ещё слушали духовой оркестр Бодина, помнишь братьев Бодиных? Они играли в саду «Металлист», и нам было слышно. Потом мы много музицировали с

**Бывший дом Иосифа Флейшмана.
Большая улица, 52**

Веней. Ведь ещё не было ни радио, ни «записей». А в семье музыку чтили очень. Много дал «Персимфанс», им руководил талантливый Владимир Михайлович Переслегин... Славное было время, а Владимир Михайлович для меня незабываем, так много радости он дал!»

Семья зубного врача съехала из дома Сокольской, когда Вене шёл восьмой год (он родился в 1913 году, свой дом Флейшманы построили в 1921). Как видим, в этом возрасте он уже начал приобщаться к музыке. Сад «Металлист», где играл духовой оркестр Бодина, находился в целом квартале на Большой улице, во дворах между домами 15 – 25. В саду был клуб «Металлист», летний театр, качели, на фотографиях тех лет можно видеть деревянные беседки и клумбы. Дом Сокольской располагался наискосок напротив Сада Металлистов, и, естественно, музыке было хорошо слышно.

Дальше Дина Иосифовна продолжает: «Если в статье Брусковой «Ученик Шостаковича» написано, что Владимир Михайлович Переслегин указал Вене путь в музыку, то это не так. В Бежецк приехал в 1929 году оркестр под руководством Георгия Танского. Небольшой симфонический оркестр, они играли в фойе «Красной Звезды», в Саду. Веня подружился с Танским, тот внушил Вене мысль, что он должен заниматься только музыкой, а Веня уже что-то сочинял, ему было 16 лет».

Культурная жизнь Бежецка в послереволюционные десятилетия была очень бурной, об этом пишет филолог и краевед Сергей Сенин в статье «Бежецкий Союз поэтов»: «Газета «Бежецкая жизнь» от 31 марта 1919 года отмечала, что в городе существует не менее десятка одних только культурно-просветительских организаций. Главная сценическая площадка города – кинематограф «Доброволец», построенный стараниями Бежецкого добровольного пожарного общества в 1914 году, в конце 1920 года переименовывается в театр «Пролеткульт». Репертуар возникшего театра включает до 40 пьес русских и зарубежных авторов. Помимо театра «Пролеткульт» культурно-просветительские мероприятия проходили в зале Совета народного хозяйства (ныне Дом культуры), в здании 2-й советской школы (ныне Дом детей и юношества), культурно-просветительского клуба рабочих (ул. Большая, дом 21, отдельная комната), гарнизонного клуба имени III Интернационала (ныне педагогическое училище), Бежецкого педагогического техникума (первоначально Бежецкие постоянные педагогические курсы, ныне здание городской больницы), клуба «Металлист» (находился на Большой улице во дворе домов 15/36 – 25/37) и других.

Несомненно, семья Флейшманов никак не могла оставаться в стороне от культурной жизни города. Так, в 1920 году в городе возникает Бежецкое научное общество по изучению истории и культуры местного

края. Среди основателей, а затем активным участником общества была Рахиль Моисеевна Флейшман. Был в городе агиттеатр «Синяя блуза». На групповом фото артистов агиттеатра тех лет в центре можно видеть замечательной красоты девушку – восемнадцатилетнюю Дину Флейшман. Наверняка какое-то участие в «Синей блузе» принимал и её младший брат Веня. В письме Дине Иосифовне от 6 июня 1985 года Борис Тарасов, рассказывая о своём друге бежецком краеведе В.С. Анкудинове, пишет, что тот сообщил «о групповой фотографии хора с Петром Семёновичем Виноградовым: «Веня в левом верхнем углу, выше и дальше всех». Петр Семёнович Виноградов работал в реальном училище, а после революции в школах города учителем пения. Помимо этого, Виноградов играл на скрипке в упомянутом выше «Персимфансе». Судя по сообщению Анкудинова, можно понять, что Вениамин пел в хоре, созданном Виноградовым.

В семье Флейшманов всех детей учили музыке, но незаурядными музыкальными способностями выделялись Вениамин и Дина, которая, кстати сказать, всю жизнь проработала учителем музыки и не рассталась с ней до конца жизни.

Вениамин Флейшман закончил первую советскую школу второй ступени, которая располагалась в здании бывшего реального училища. В этой же школе в 1926–1929 годах учился сын замечательных поэтов Анны Ахматовой и Николая Гумилева – Лев Гумилев. Если учесть, что разница в возрасте у ребят была всего один год (Гумилев был старше, он родился в 1912 году), то наверняка они были знакомы друг с другом. Во время войны, через месяц после гибели Вениамина Флейшмана, в первых числах октября 1941 года во время налета на Бежецк немецкой авиации бомба попала в здание школы и разрушила её. Сейчас на месте реального училища построено здание школы №5, носящей имя Льва Гумилева.

После школы шестнадцатилетний Вениамин Флейшман хотел и пытался ехать в Ленинград учиться музыке. Однако по настоянию родителей закончил краткосрочные шестимесячные учительские курсы и поехал работать учителем в деревню Мосеево (иногда деревню, в которой учительствовал Вениамин ошибочно называют Моисеево, но правильное название Мосеево, эта маленькая деревня существует до сих пор). В школе Вениамин проработал год. Уроки пения он проводил под аккомпанемент скрипки. Горожанин, он привыкал к деревенской жизни, расспрашивал, как вести себя на «беседах» – посиделках деревенских молодых людей и девушек. Сельские жители полюбили молодого учителя за отзывчивость и доброту. Школьники относились к молодому учителю как к старшему товарищу. Несколько месяцев Ве-

ниамин проработал в Весьегонском райкоме комсомола, где вёл большую культурно-просветительскую работу в сёлах и деревнях района. А. Лившиц пишет об этом периоде его деятельности: «Здесь, в глухом карельском селе, молодой педагог развернул активную деятельность. Он не только учил ребят, но и старался разъяснять неграмотным тогда людям значение Советской власти, рассказывал о светлом будущем, которое несет с собой советский строй. Вместе с другим учителем он выпускал стенную газету на карельском языке».

В 1932 году Вениамин уезжает в Ленинград и поступает в Ленинградский индустриальный институт, потому что родителям непременно хотелось видеть своего сына инженером. Но любовь к музыке оказалась сильнее. В 1934 году он поступает на композиторское отделение Первого музыкального техникума в класс профессора Г.М. Юдина. Там знакомится с Людмилой Вольновой, которая училась на фортепианном отделении, через год молодые люди поженились. Окончив техникум, в 1937 году они оба поступают в Ленинградскую консерваторию: Людмила – на факультет фортепианной игры, Вениамин – в композиторский класс Шостаковича. Через год в молодой семье родилась дочь Ольга.

Когда Вениамин поступил в консерваторию, ему было 24 года. Исполняющему обязанности профессора Ленинградской консерватории по классу композиции и инструментовки Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу всего 30 лет. На занятия Шостаковича мечтали попасть многие, в его классе обучались Георгий Свиридов, Орест Евлахов, Юрий Левитин, Игорь Болдырев, Абрам Лобковский, Михаил Кацнельсон, Борис Толмачев, Игорь Добрый, Вениамин Флейшман, Галина Уствольская. Многие из его учеников позднее стали знаменитыми композиторами и музыкантами. Студенты класса Шостаковича считались элитой учебного заведения, они боготворили своего учителя, даже в разговорах стараясь подражать его манерам и стилю. Шостакович старался выявить особенности в творческой личности каждого своего ученика, в конце года давался отчетный концерт, на котором выступали со своими произведениями его ученики. Эти выступления потом обсуждались в присутствии самого исполнителя. В конце первого года обучения, судя по протоколам заседаний и отзывам преподавателей консерватории, были исполнены романсы Вениамина Флейшмана на стихи Гете и Лермонтова. Эти произведения, к сожалению, не сохранились.

Флейшман работал медленно и трудно, тщательно отшлифовывая каждый такт. В силу своего характера он помногу раз переделывал написанное, доводя звучание до совершенства. Помимо этого, ему трудно давалась игра на фортепиано, ведь в Бежецке он играл на

скрипке, а Дмитрий Дмитриевич придавал большое значение владению фортепиано. Сокурсники отмечают, что Шостакович благоволил своему ученику, – сам не терпящий поверхностности, учитель уважал дотошность и работоспособность своего ученика. Семья молодого консерваторца жила трудно, на стипендии: повышенную Вениамина и обычную Людмилы. Поэтому Шостакович и однокурсники старались помогать Флейшману материально.

Каким запомнили сокурсники Флейшмана тех лет? Немногословный блондин с голубыми глазами, к тому же по-волжски окающий, он не вступал в споры, но его последнее слово всегда вносило ясность и определённую. Каждое его высказывание было сродни его музыке: отличалось лаконичностью, точностью, взвешенностью каждого слова. В своём исследовании Елена Силина пишет: «Это был человек, к которому прислушивались не только студенты-сокурсники, но нередко преподаватели. Человек, которого, как сейчас представляется, любили все. Безгранично добрый и щедрый, но в то же время скромный и необыкновенно замкнутый – именно таким остался Вениамин Флейшман в памяти знавших его людей».

В письме домой Флейшман пишет: «У меня событие, со мной согласился заниматься профессор Шостакович, которого считают наиболее культурным и талантливым музыкантом нашего времени.

Агиттеатр «Синяя блуза». Бежецк. 1920-е годы

У него огромная память: что угодно играет наизусть, моментальная ориентировка в любом музыкальном произведении, замечательный вкус и поразительное мастерство. Ко мне он относится очень хорошо».

И во втором из немногих сохранившихся писем: «Мне хочется написать Вам о классе Д.Д. Шостаковича в целом. На первое место стоит поставить Свиридова, который за лето написал симфонию. За ним по масштабам – Левитин, пишет оперу, он законченный пианист, аспирант консерватории по роялю, но по композиции почему-то на первом курсе. Затем – Евлахов, пишет концерт для фортепиано с оркестром. Опера Левитина и симфония Свиридова, вероятно, будут исполняться в этом сезоне. Одним словом. Класс этот фактически представляет собой не только учебную единицу. Но гораздо большее».

В приведенных отрывках из писем Вениамина содержится интересный материал о занятиях и студентах консерваторского класса Шостаковича. Но, помимо этого, они показывают, какие были отношения в семье Иосифа Флейшмана между детьми и родителями. Вениамин не пишет о бытовых проблемах, о семейных трудностях и сложностях. Главное, что его занимает – музыка и процесс учёбы. Видимо, так были воспитаны с детства Флейшманы, что их родителей прежде интересовали результаты их деятельности. И ещё отметим, что Вениамин уже несколько лет проживает в Ленинграде, успел окончить музыкальный техникум и поступить в консерваторию. Но при этом и в письмах он

Реальное училище. Фото начала XX века

ведет разговор на музыкальные темы с родителями, проживающими в провинции, не со снисходительностью профессионала, а совершенно на равных. Это, на наш взгляд, показывает как высокий уровень культурной и музыкальной образованности родителей Вениамина, так и уважительное отношение Вениамина к их мнению.

По шесть часов занятий музыкой ежедневно, посещение концертов классической музыки – молодая семья вела обычную жизнь ленинградский консерваторцев тех лет. К лету 1941 года Флейшман заканчивает работу над клавиром оперы «Скрипка Ротшильда» по рассказу Чехова. Считается, что идею написать эту оперу подал Вениамину Дмитрий Шостакович, ведь Чехов был любимым писателем композитора. Но Елена Силина отыскала свидетельство однокурсников Вениамина по музыкальному техникуму, а затем консерватории, что работу над оперой Флейшман начал, ещё обучаясь в техникуме, то есть ещё до того, как он стал учеником великого композитора. Кроме того, ведущий специалист тверской областной библиотеки им. А.М. Горького Ирина Вадимовна Миронова, выступая на вечере, посвященном Флейшману, провела анализ рассказа Чехова «Скрипка Ротшильда», реалий Бежецка, окружавшего Веню в годы его детства и юности, и либретто оперы. Помимо прочего, она обнаружила, что город, в котором вырос Вениамин, удивительным образом схож с тем, в котором прожил и умер герой чеховского рассказа Яков Бронза. Такой же маленький городок, река, протекающая недалеко от дома, тюрьма за рекой, еврейский молельный дом, оркестр, – кажется, Чехов изобразил в своем рассказе именно город Бежецк. Хотя нет свидетельств, что Чехов заезжал в Бежецк, известно, что он был в Удомле, которая находится в 190 километрах от Бежецка. Таким образом, вопрос, кто же был автором идеи написать оперу по рассказу Чехова – Шостакович или Флейшман, – остаётся открытым.

В индивидуальных планах студентов класса Шостаковича на 1940–1941 годы указано: Флейшман – а) окончание «Скрипки Ротшильда»; б) работа над симфоническим произведением. Но этим планам не было суждено сбыться. Летом 1941 года Вениамин и Людмила впервые отправили дочку к родителям в Бежецк, сами собирались поехать в Пушкин. На трамвайной остановке стояли люди и слушали выступление Молотова о начале войны. Тут же побежали в консерваторию, где уже шла запись в ополчение. В ленинградской консерватории сохранился список студентов-добровольцев, подавших заявление в военкомат. Под номером 62 в списке стоит фамилия Флейшмана. Перед отъездом на фронт Флейшман отдал жене старенький портфель, в который был вложен клавишник «Скрипки Ротшильда». Он просил передать папку в Союз композиторов.

В 2011 году вышло издание Санкт-Петербургской консерватории «Консерваторцы, погибшие в годы Великой Отечественной войны», подготовленное Р. А. Смоляниновой. В списке 171 фамилия, среди которых и профессора, и студенты, и кочегары, и уборщицы Ленинградской консерватории. В этом скорбном алфавитном списке значатся: под номером 28 – Гаглов Заур Захарович, студент; под номером 51 – Катакин Александр Константинович, студент; под номером 150 – Флейшман Вениамин Иосифович, студент. Эти три консерваторца погибли в одном бою под Красным Селом. Вот как описывает музыковед Е. Надеинский последний бой ополченцев, который состоялся 14 сентября 1941 года: «Их было трое – трое друзей, трое студентов композиторского факультета консерватории, трое бойцов народного ополчения: Вениамин Флейшман, Заур Гаглов и Александр Катакин. Их жизненный и ратный путь был недолог, но честен, и долг свой они исполнили до конца. В сентябре 1941 года друзья получили приказ перекрыть дорогу, ведущую из Красного Села в Ленинград. Гитлеровцы рассчитывали с ходу прорваться на этом участке: они знали, что противостоят им не кадровые части. Но одна за другой захлёбывались атаки, подступы к дзоту, который обороняли трое музыкантов, устилали всё новые трупы фашистских солдат. В конце концов врагу удалось окружить огневую точку. Несколько раз предлагали они крохотному гарнизону сдаться. Ответом были пулеметные очереди. Тогда фашисты пустили в ход огнеметы. Но темп наступления уже был потерян, наше командование получило время на подтягивание основных сил, и обстановку под Красным Селом удалось стабилизировать».

Так в одном бою в пламени огнеметов сгорели три талантливых, подававших большие надежды молодых композиторов предвоенного Ленинграда.

На сайте «Мемориал», созданном Министерством обороны Российской Федерации, в компьютерном банке данных, содержащих информацию о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны, нам удалось обнаружить несколько документов.

Первый документ относится к Славгородскому Митрофану, мужу Дины Флейшман. В приказе об исключении из списков напротив его фамилии значится: «Славгородский Митрофан Владимирович, 1907 года рождения, старший лейтенант, убит 18 сентября 1941 года, 1 километр западнее деревни Горбушка Петергофского района».

Второй документ относится к Исаю Флейшману, старшему сыну Флейшманов: «Флейшман Исай Иосифович 1906 года рождения, красноармеец, январь 1942 года, пропал без вести. Место последней службы: 1 отделение СП».

Информация из третьего документа, имеет отношение к младшему сыну – Илье: «Флейшман Илья Иосифович, 1923 года рождения, сержант, командир орудия, 28 августа 1942 года умер от ран в госпитале города Мичуринска».

Как видим, война железным катком прошла по большой и дружной семье Флейшманов. У родителей в живых осталось двое детей: сын Моисей и дочь Дина.

В начале 60-х годов Иосиф и Рахиль Флейшманы продали свой дом в Бежецке и переехали в Ленинград, поближе к сыну и дочери. Иосиф Флейшман умер в 1962 году, Рахиль Моисеевна в 1966-м. На Преображенском кладбище Петербурга (участок 4, место 75) покоятся рядом родные Вениамина: родители, брат Моисей и сестра Дина.

Вернемся к рассказу о судьбе оперы Вениамина Флейшмана. Когда началась война, Дмитрий Шостакович находился в Ленинграде, который был блокирован немцами. Шостакович несколько раз пытался пойти на фронт, но ему каждый раз отказывали. Тогда он записался в пожарную дружину местной противовоздушной обороны. В случае воздушной тревоги он должен был дежурить на крыше консерватории, тушить зажигательные бомбы. Снимок композитора в комбинезоне и шлеме пожарного на крыше здания на Театральной площади напечатали в газетах, и их увидел

Студенты Ленинградской государственной консерватории класса композиторов профессора Д.Д. Шостаковича и класса режиссеров Э.О. Каплана. Крайний справа сидит В. Флейшман

весь мир, она была помещена даже на обложке журнала «Тайм» за 1942 год.

Здесь, в осажденном городе, композитор работал над своей знаменитой Седьмой симфонией.

Кроме того, Шостакович ведет большую общественную работу, трудится над такими капитальными вещами, как Восьмая симфония, опера «Игроки», Второй концерт для фортепиано и многими другими. Но при такой нагрузке он не забывает об опере Флейшмана. Дмитрий Дмитриевич пишет своему ученику Оресту Евлахову: «Очень жалко, что не увез с собой «Скрипку Ротшильда». Я бы ее закончил и дооркестровал. Дорогой друг! Если «Скрипка Ротшильда» находится в Ленинградском союзе композиторов, то, пожалуйста, присматривайте за ней, а еще лучше снимите с нее копию; если будет okazия в Куйбышев, перешлите мне. Я очень люблю это сочинение и беспокоюсь за него, как бы оно не пропало».

Получив рукопись оперы, Дмитрий Дмитриевич Шостакович оркестровал две трети оперы, с трогательной деликатностью точно обозначив количество тактов в партитуре. Рукопись партитуры хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства. На первой странице рукой Дмитрия Дмитриевича написано следующее: «Скрипка Ротшильда» сочинялась Вениамином Иосифовичем Флейшманом с 1939 года по лето 1941 года, когда началась война... К этому времени был готов клавир «Скрипки Ротшильда» и большая часть партитуры.

С начала войны Вениамин Иосифович Флейшман пошел добровольцем на фронт. С тех пор от него и о нем не было известий. Очевидно, он погиб на войне. Уходя на фронт, он оставил в Ленинградском союзе советских композиторов рукопись «Скрипки Ротшильда». В конце 1943 года эта рукопись была привезена мне. Моя работа свелась к тому, что я дооркестровал «Скрипку Ротшильда» и переписал авторскую карандашную партитуру.

Дмитрий Шостакович. Москва. 5 февраля 1944 года».

У Шостаковича была не одна причина для любви к этому произведению. Прежде всего – большой и несо-

Стоит в центре В. Флейшман

**Могила на Преображенском
кладбище в Петербурге**

Исай Иосифович Флейшман

мненный композиторский талант его ученика. Вторая причина – та, о которой мы писали выше, – большая любовь Шостаковича к Чехову. «Читая его, я порой узнаю себя, мне кажется, что я читаю мемуары обо мне», – говорил Шостакович. Наверняка идеи, заложенные в рассказе Чехова, одинаково волновали и Шостаковича и Флейшмана, прежде всего, мысль о необходимости осмысленной, подлинно человеческой жизни, свободной от власти денег и человеческого эгоизма.

Шостакович тщательно подчеркивал, что это сочинение Флейшмана, и запрещал ставить в издании своё имя, хотя бы как соавтора. При жизни великого композитора опера так и значилась: Вениамин Флейшман «Скрипка Ротшильда». И только после смерти Шостаковича оперу стали печатать под двумя именами: Флейшман, Шостакович.

В опере явственно слышен голос Шостаковича, но это и естественно, – потому что, учась у Шостаковича, Вениамин не мог не испытывать влияния музыкального языка своего учителя.

Многие искусствоведы едины в своём мнении, что, в любом случае, все еврейские мотивы, звучащие в опере (в опере звучит еврейский оркестр и еврейские свадебные мелодии), принадлежат перу Вениамина Флейшмана. Дмитрий Дмитриевич, имевший польские корни, до той поры не интересовался еврейской музыкой. И только во время работы над оркестровкой оперы своего ученика у Шостаковича проснулся пристальный интерес к еврейскому

фольклору. Еще работая над окончанием оперы, Шостакович пишет Фортепианное трио, в котором впервые в его сочинении звучит явно еврейская тема. Дальше эта тема будет развиваться в творчестве композитора во Втором скрипичном трио, Первом скрипичном концерте, в цикле «Из еврейской народной поэзии» и многих других. Уникальность ситуации в том, что работа ученика дала толчок и новое направление творчеству гениального учителя, оказалось серьёзным влиянием, определившим, в какой-то мере, творческую и гражданскую позицию великого мастера.

Начиная с 1944 года Шостакович предпринимал не одну попытку поставить оперу, но всё было безрезультатно, опера долго не исполнялась. Первое концертное исполнение состоялось 20 июня 1960 года в Центральном доме композиторов в Москве. Первая сценическая постановка оперы была осуществлена 24 апреля 1968-го в Экспериментальной оперной студии при Ленинградской консерватории. Оперу «Скрипка Ротшильда» в редакции Дмитрия Шостаковича записали дирижеры: Джемал Далгат (1967 г.), Василий Петренко (2006 г.), Геннадий Рождественский (1982 г., 1996 г.). Как видим, опера была полузабыта и исполнялась крайне редко.

В последние годы возрос интерес дирижеров, исполнителей и режиссёров к опере «Скрипка Ротшильда». Назовём самые значительные события музыкальной жизни, связанные с оперой и трагической судьбой её создателя.

Выдающийся американский дирижер современности, лауреат многочисленных премий и наград, кавалер ордена Почетного легиона, командор ордена Искусств Джеймс Конлон создал специальный фонд «OREL», посвященный памяти композиторов, пострадавших от фашизма. В 2008 году он поставил в Нью-Йорке концерт-трилогию, в третьем отделении которой исполнялась опера «Скрипка Ротшильда».

Известный радио- и тележурналист Артем Варгафтик с 2001 года выпускает цикл передач «Партитуры не горят», в которых ведётся рассказ о жизни и творчестве композиторов.

В 2010 году вышла передача этого цикла под названием «Скрипка Ротшильда», посвященная судьбе оперы и её автора, что стало приятным подарком для почитателей творчества Шостаковича и Флейшмана.

В 1996 году французский режиссёр аргентинского происхождения Эдгардо Казарински по собственному сценарию снял биографический фильм-оперу «Скрипка Ротшильда». В съёмках фильма приняли участие Франция, Финляндия, Швейцария и Венгрия.

Музыка фильма записана оркестром филармонии Роттердама под управлением Геннадия Рождественского.

Премьера картины состоялась в Локарно (Швейцария) на большой площади под открытым небом. Успех показа кинокартины был очень велик.

В Бежецке, родном городе Вениамина Флейшмана, тоже растет интерес к жизни и творчеству композитора. В библиотеке имени Шишкова в октябре 2010 года был проведен вечер, посвященный земляку, ставшему любимым учеником Шостаковича. К столетию Вениамина Флейшмана в нескольких школах города готовятся учебные проекты на тему его жизни и творчества.

Собираются статьи о Флейшмане, фотографии, воспоминания родных и знавших его людей; на основе этих материалов обществом краеведов к столетию композитора подготовлен к изданию наиболее полный сборник, посвященный Вениамину Флейшману. Думается, материалы сборника будут интересны многим любителям музыки не только в городе Бежецке и не только в России.

Материал подготовил Амон Сулейманов

Содержание

Андреев Дмитрий Владимирович.	5
Аникеев Иван Николаевич.	9
Арсеньев Николай Иванович.	25
Говорова Галина Павловна.	41
Губанова Галина Георгиевна.	47
Дружинин Петр Михайлович.	53
Костенко Иван Малахиевич.	64
Кузнецов Михаил Иванович.	69
Кузьмина Елена Григорьевна.	79
Луговской Виктор Николаевич.	87
Николаевская Нина Павловна.	93
Соловьева Дина Львовна.	100
Фатчихин Сергей Васильевич.	106
Флейшман Вениамин Иосифович.	111

Историко-краеведческий альманах «Бежецкий край» Выпуск №8

Учредитель и главный редактор В.В. Козырев
Компьютерный набор и верстка В.В. Козырев

Издательство «Ванчакова линия»
Редактор Е.И. Ступкин
Корректор Ф.Е. Мочалова
Компьютерная верстка И.Р. Франэк

Обложка:
Иван Малахиевич Костенко

«Бежецкий этюд»
(из фондов Бежецкого музея)

Адрес:
171163, Тверская обл, г. Вышний Волочёк
Ванчакова линия, 17
Тел. (48 233) 6 11 62
E-mail: wikavol@mail.ru

Усл. печ. листов 5. Печать офсетная. Заказ № 5110
Тираж 300 экз.

Отпечатано в ОАО «Тверская областная типография»
171100, г. Тверь, Студенческий пер., 28

